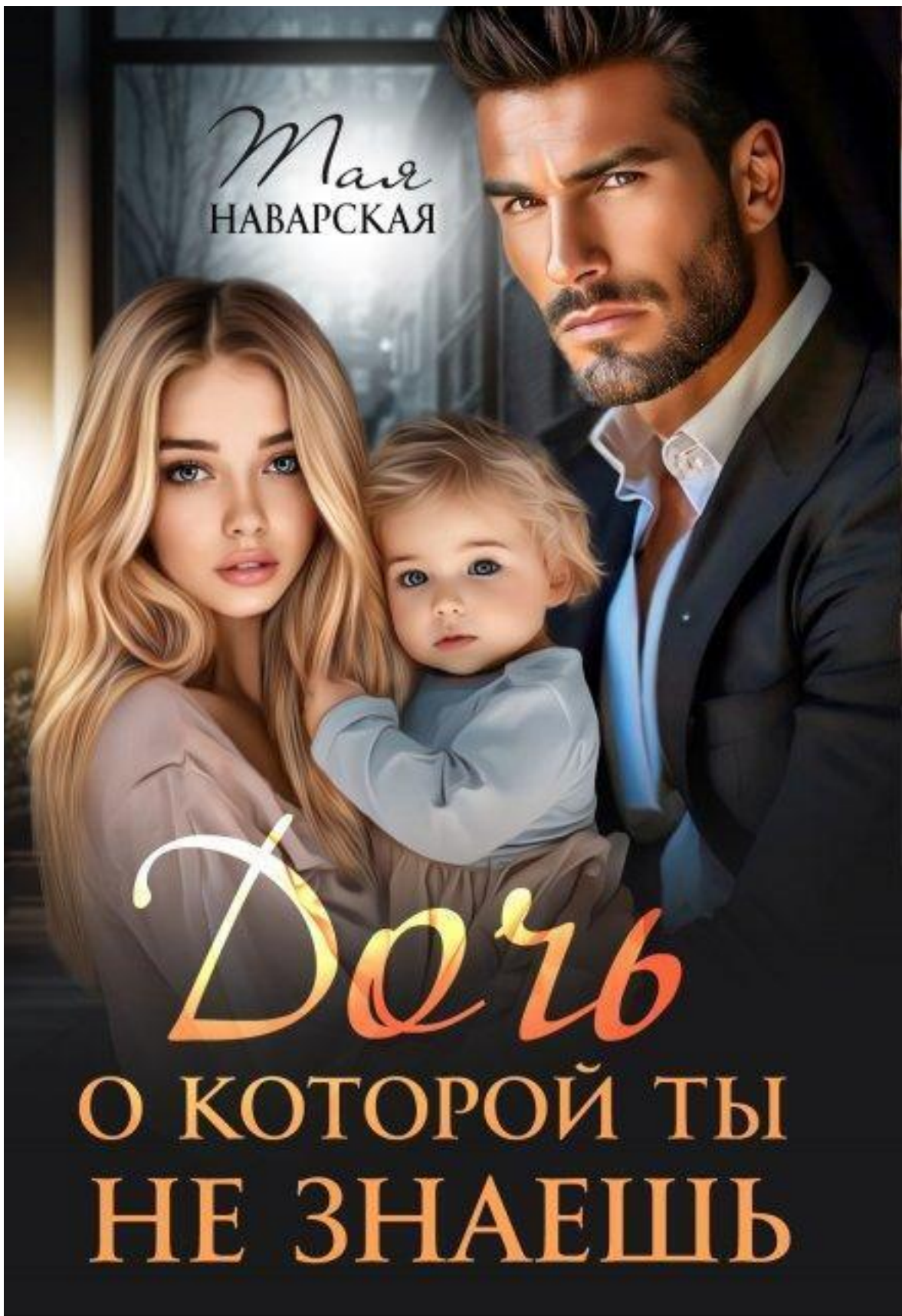

Мая
НАВАРСКАЯ

Дочь
О КОТОРОЙ ТЫ
НЕ ЗНАЕШЬ

Тая Наварская

Дочь, о которой ты не знаешь

«Литнет»

2024

Наварская Т.

Дочь, о которой ты не знаешь / Т. Наварская — «Литнет», 2024

– Я беременна, Стас, – признаюсь, робко улыбаясь. Но Троицкий не улыбается в ответ. Его взгляд становится тяжелым и мрачным, а скулы на лице обозначаются чуть резче. – Ты не рад? – Не рад. Как это вообще получилось? – Я... Я не знаю. Возможно, мы были недостаточно внимательны и... – Ладно, неважно, – перебивает Стас, не дослушав. А затем рывком выдвигает ящик стола и, порывшись в нем, извлекает наружу пачку рыжих купюр. – Вот, возьми, – протягивает их мне. – Зачем? – вопросительно кошусь на деньги. – На аборт, – изрекает холодно. Внутри меня что-то обрывается. Что-то хрупкое, но очень-очень важное. – Я не понимаю, – на глаза наворачиваются слезы. – Ты ведь говорил, что я нужна тебе, что ты дорожишь мной... – Олеся, не надо, – поджав губы, качает головой. – За что ты со мной так?! – я задыхаюсь от подкатывающих к горлу рыданий. – Ведь у нас будет ребенок! Я думала, мы поженимся и будем счастливы... – Я не могу жениться на тебе! – рывкает неожиданно зло. – Но почему?.. – Потому что я уже женат. Мне 22, ему 35. Он – именитый режиссер, я – актриса второго плана. Я была влюблена в него и верила, что мы проведем вместе всю жизнь, но внезапно выяснилось, что его жизнь уже давно связана с другой женщиной... Похожая история

“Сын, о котором ты не знаешь”;

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Визуализация	11
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	28
Глава 8	30
Глава 9	32
Глава 10	34
Глава 11	36
Глава 12	39
Глава 13	41
Глава 14	43
Глава 15	45
Глава 16	47
Глава 17	49
Глава 18	51
Глава 19	54
Глава 20	56
Глава 21	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Глава 1

Не веря своим глазам, сжимаю в руке тест на беременность. На нем все явственнее проступает вторая красная полоска, и мои сомнения окончательно рассеиваются.

Я беременна. Совсем скоро у меня будет малыш.

Ощущения по этому поводу смешанные. С одной стороны – я безумно счастлива, ведь ребенок – это огромное чудо. А с другой – чувствую смятение и растерянность. Ведь мы со Стасом не планировали и даже не обсуждали ничего такого. Во время секса всегда предохранялись, жили настоящим и не загадывали так далеко вперед...

Но судьба, судя по всему, решила распорядиться иначе.

Мы с Троицким познакомились на съемочной площадке примерно полгода назад. Он – режиссер. Именитый. Талантливый. Окутанный ореолом славы и таинственности. Я – актриса второго плана, совсем недавно окончившая театральный ВУЗ.

Я влюбилась в него с первого взгляда. С первой секунды, как только увидела на пробах. Небритое, всегда немного задумчивое лицо, сдержанная грация движений, низкий тембр голоса, умные серьезные глаза – Троицкий казался мне совершенством. Этаким эталоном мужчины. Недостижимым идеалом. Апогеем сексуальности и таланта.

Рядом с ним все мои прошлые институтские увлечения меркли, словно звезды перед солнцем. Я сходила с ума по тому, как он говорит, как улыбается, как сводит густые брови к переносице. Готова была часами наблюдать за тем, как он обдумывает очередной сюжетный поворот. Мне нравилось просто смотреть на него, просто любоваться его мимикой. В те мгновенья меня не покидало ощущение, будто я прикасаюсь к чему-то великому.

Первые месяцы совместной работы Троицкий не обращал на меня никакого внимания. Ходил мимо, равнодушно мазал взглядом и, кажется, даже имени моего не знал.

Но в один момент все изменилось. Как-то после ужина я пролезла в его вагончик и под предлогом профессиональных исканий завела разговор об искусстве. Поначалу Стас отвечал на мои вопросы неохотно, но постепенно раскрылся и эмоционально вовлекся в диалог.

Словом, мы проболтали до рассвета.

А через пару дней он сам позвал меня на кофе. Мы снова долго и увлеченно беседовали. О советском кино, о новых тенденциях в индустрии и о подводных камнях профессии актера. А затем вдруг я привстала, перегнувшись через стол и, повинаясь безрассудному порыву, поцеловала его.

Пылко. Страстно. Импульсивно.

Поначалу он отпрянул. Смутился. Нахмурился. Отвел взгляд. Я расстроилась, поняла, что сотворила глупость, но через секунду Стас выдал нечто совершенно неожиданное: взял меня за руку, притянул к себе и, усадив на колени, жарко впился в мои губы.

С тех пор у нас завязался роман. В каком-то смысле запретный, потому что о наших отношениях на съемочной площадке никто не знает. Троицкий говорит, что это ни к чему. Мол, ты актриса, я режиссер, зачем нам лишние пересуды?

Я с ним не спорю. Молча соглашаюсь на все его условия, потому что безумно люблю. Потому что такие мужчины, как он, – он это нечто непостижимое, невероятное и совершенно потрясающее.

Он гений. Как в постановке кино, так и в любви. И мое восхищение им бесконечно.

Стук в дверь туалета выдергивает меня из ванильных мыслей. Видимо, я сижу здесь уже слишком долго. Суетливо прячу тест на беременность в сумочку и, перекинув ее через плечо, освобождаю кабинку.

На съемочной площадке, как всегда, царит суматоха. Операторы настраивают оборудование, художники по гриму колдуют над актерами, светорежиссеры настраивают свет. В общем,

работа кипит, не останавливаясь ни на минуту. Ведь каждый день съемки фильма стоит баснословных денег.

– Троицкий у себя? – обращаюсь к девочке-ассистентке, которая несет кому-то кофе.

– Да, – кивает она. – Но он сегодня не в духе. Только что на монтажера наорал.

Что ж, бывает. У режиссера работа такая – периодически орать на людей.

Приближаюсь к режиссерскому вагончику и коротко стучу в дверь.

– Кто там? – раздается из глубины.

– Это я. Олеся.

– Входи.

Дернув дверь, оказываюсь в небольшом, но уютном помещении. В вагончике у Троицкого всегда идеальный порядок. Он жуткий педант и не приемлет хаоса. Ни в чем.

– Привет, – становлюсь напротив его стола. – Как поживаешь?

– Да как тебе сказать... Актеры лажают, производственная компания жидит деньги, а главный художник по костюмам сломал ногу и ушел на больничный прямо в разгар рабочего процесса, – невесело усмехается Троицкий. – А в остальном все неплохо.

– Думаю, моя новость улучшит твое настроение, – заявляю многозначительно.

– И что за новость? – он устало потирает виски.

Выдерживаю небольшую паузу для нагнетания интриги, а затем с улыбкой признаюсь

– Я беременна, Стас.

Однако, вопреки моим ожиданиям, Троицкий не улыбается в ответ. Его взгляд становится тяжелым и мрачным, а скулы на лице обозначаются чуть резче.

– Ты не рад? – уголки моих губ медленно ползут вниз.

– Не рад, – припечатывает холодно. – Как это вообще получилось?

Что за странный вопрос... Как это получилось? Да очень просто. Мы ведь занимались любовью... Горячо. Безудержно. По несколько раз за ночь.

– Я... Я не знаю, – начинаю заикаться. – Возможно, мы были недостаточно внимательны и...

– Ладно, это неважно, – перебивает Стас, не дослушав.

А затем рывком выдвигает ящик стола и, порывшись в нем, извлекает наружу пачку рыжих купюр.

– Вот, возьми, – протягивает их мне.

– Зачем? – вопросительно кошусь на деньги.

– На аборт, – изрекает холодно.

Внутри меня что-то обрывается. Что-то хрупкое, но очень-очень важное.

– Я не понимаю, – на глаза наворачиваются слезы. – Ты ведь говорил, что я нужна тебе, что ты дорожишь мной...

– Олеся, не надо, – поджав губы, качает головой.

– За что ты со мной так?! – я задыхаюсь от подкатывающих к горлу рыданий. – Мне казалось, что если, я забеременею, мы поженимся и будем счастливы...

– Я не могу жениться на тебе! – рявкает неожиданно зло.

– Но почему?..

– Потому что я уже женат.

Глава 2

Его признание подобно внезапному удару под дых. Воздух в легких резко заканчивается, а перед глазами вспыхивают огненные искры. Меня резко ведет в сторону и, дабы не упасть, я обеими руками упираюсь в поверхность стола.

– То есть как женат? – хриплю не своим голосом. – Это шутка такая?

– Если бы, – мрачно усмехается Троицкий.

Отводит взгляд к окну и погружается в глубокую задумчивость.

– Ты серьезно?! – меня выносит с его спокойствия, которое сейчас воспринимается как издевка. – Решил сообщить об этом вот так?!

– Думаю, сейчас самое время для подобных откровений, – роняет безэмоционально.

– Самое время было несколько месяцев назад! – взвизгиваю я. – Когда мы впервые поцеловались! Когда ты затащил меня к себе в постель!

– Я не затаскивал, – с вызовом смотрит мне в глаза. – Ты сама пришла.

Поверить не могу. Я просто не могу поверить, что он действительно это говорит! Что попрекает меня моей влюбленностью! Тем, что я первая сделала шаг к нему!

– Но ты не сильно сопротивлялся! – возражаю едко. – И вообще... Я думала, у нас все взаправду! Выходит, для тебя наша связь была просто игрой?!

– Мне тридцать пять, Олесь, – выдыхает утомленно. – Я уже давно не играю в игры.

– Тогда что это было?!

– Это была страсть, – Троицкий невозмутим. – Порыв, если угодно. Ты чертовски красива, и я не смог устоять. Никто бы на моем месте не смог.

– Ты не любишь меня? – спрашиваю, дрожа от слез.

Снова отворачивается. Снова прячет глаза.

– Ответь! – восклицаю в сердцах. – Любишь или нет?!

Прежде он никогда не говорил мне таких слов. А я и не требовала. Думала, что в нужное время все случится само собой.

Но сейчас ситуация из просто сложной превращается в патовую. Я беременна. А мужчина, которого я люблю, сует мне деньги на аборт.

– Я испытываю к тебе глубокие нежные чувства, – отзывается уклончиво. – Но внебрачный ребенок в мои планы совершенно точно не входит.

Его слова – такие простые и такие жестокие – причиняют мне адскую боль. Я будто горю заживо. До костей истлеваю на костре несбывшихся надежд. Задыхаюсь в ядовитом дыму неоправдавшихся ожиданий.

Как он мог? Нет, правда, как он мог?! Ведь знал же, что я к нему всей душой, всем сердцем! Все понимал, все видел... Не мог не понимать!

Он проводил со мной незабываемые бессонные ночи, доводил до иступления мой разум и мое тело... А потом собирался, уходил и возвращался домой к другой женщине. К женщине, которая наверняка так же, как и я верит, что у них любовь.

Это так подло. Так нечестно и бесчеловечно, что у меня до сих пор в голове не укладывается, как Троицкий решился на такую низость. Ведь он потрясающе умный человек с бесконечно развитым эмоциональным интеллектом... Разве он не догадывался, что его поступки причинят окружающим огромные страдания?

– И давно ты женат? – задыхаясь от переизбытка эмоций, вопрошаю я.

– Десять лет.

– Десять лет?! – взвизгиваю шокировано. – Боже мой! Какой же ты подлец!

– Олесь, успокойся, – цедит сквозь зубы. – Держи себя в руках.

– И это все, что ты можешь мне сказать?! – на меня наваливается самая настоящая истерика. Я не контролирую голос, не могу унять дрожь, меня колотит изнутри, как набитую песком боксерскую грушу. – Я доверяла тебе, Стас! Любила тебя! И сейчас, когда я катастрофически нуждаюсь в твоей поддержке, ты съешь мне деньги на аборт и просишь успокоиться?! Это и есть твой план?!

– Раз уж на то пошло, – он поднимается на ноги и смотрит на меня с высоты своего внушительного роста, – мой план был совсем другим.

– И каким же?!

– Мне было хорошо с тобой. И я хотел растянуть это время на подольше.

– Ты ведь даже не собирался рассказывать мне про жену, да? – усмехаюсь горько.

– До настоящего момента в этом не было необходимости, – отвечает, помолчав.

Неподъемной тяжестью на меня вдруг обваливается осознание неприглядной прозаичности моей жизни. Эта история стара как мир. Молодая актриска без памяти влюбилась в мастиного режиссера. Подарила ему свое сердце, отдала ему всю себя, а взамен получила... ничего. Шиш с маслом, как говорится. И вагон разочарований в придачу. Уверена, не я первая и не я последняя наивная дуручка, попавшая в зловещую ловушку любви к более взрослому, более влиятельному и статусному мужчине.

Я размякла под обаянием Троицкого. Начисто отключила критическое мышление и всецело доверилась чувствам. А ведь мама предупреждала: берегись, он намного старше, намного опытнее тебя. Такие мужчины могут причинить боль.

Однако мамины предостережения пролетали мимо меня. Я слышала их, но не воспринимала всерьез. Мне казалось, что у нас со Стасом все по-настоящему. Что он любит меня, хоть пока и не признается в этом вслух. Что со временем я прочно обоснуюсь в его сердце и стану значимой частью его жизни. Что рано или поздно он женится на мне...

Ага. Как бы не так.

У Стаса уже есть жена. Пускай обманутая, пускай не знающая всей правды о своем благоверном, но все же имеющая для него определенную ценность. Ведь именно из-за нее он отправляет меня на аборт. Именно из-за нее рвет нашу связь.

Чувствую себя душой. Душой, которую с особой жестокостью извлекли в грязи. Троицкий стал для меня первым. Однако я для него не была ни первой, ни единственной. Даже на короткий период наших так называемых отношений.

Оглушенная открывшейся мне горькой истиной, я пячусь к двери и непослушными пальцами дергаю на себя ручку.

– Деньги не забудь, Олесь, – прилетает мне в спину. – Проблемы нам не нужны.

Проблемы?! Вот как он называет нашего ребенка?!

Глотая слезы, дергаюсь обратно к столу и дрожащими руками сгребаю с него деньги. Неаккуратно засовываю их в сумочку и едва слышно хриплю:

– Не переживай, Стас. Проблем у тебя не будет.

Глава 3

Снова закрываюсь в кабинке туалета и, опустив крышку унитаза, сажусь сверху. Шмыгнув носом, достаю из сумочки тест на беременность и опять вперяюсь взглядом в две алые полоски.

Такая глупость... По размеру мой малыш еще меньше фасолины, а я уже безгранично его люблю. Это же моя плоть и кровь. Результат соития с человеком, которым я когда-то действительно всей душой восхищалась...

До сих пор в голове не укладывается, как наше красивое чувство могло превратиться в пепел. Всего два слова «я женат», а эффект как от разорвавшейся бомбы. Если честно, меня по-прежнему трясет. Прямо изнутри колотит, как в лихорадке.

Жизнь, зародившаяся во мне, совсем еще крошечная, но это жизнь. Самая настоящая. И я не имею права обрывать ее.

Никто не имеет.

Да, я взяла деньги у Стаса, но на аборт их не пушу. В моем положении нельзя разбрасываться финансами, в будущем пригодится каждая копейка. Поэтому пусть Троицкий думает, что я избавилась от его ребенка. Но на самом деле я избавлюсь только от него самого.

Мама с детства меня учила, что нужно быть сильной, смелой и последовательной. Дескать, если веришь во что-то, надо придерживаться этого до конца. И я искренне верю, что мой долг как женщины и как человека – родить этого малыша. Подарить ему жизнь. Воспитать, одарить любовью и лаской, дать счастливое детство. По возможности, конечно. Ведь впереди у меня незавидная участь матери-одиночки...

Разумеется, прежде я совсем не так представляла свою личную жизнь. Думала, что стану мамой, будучи в браке. И что рядом всегда будет любимый и любящий мужчина.

Но, как видите, не сложилось. Не срослось. Я полюбила не того человека и теперь пожинаю плоды своих ошибок.

Я ношу под сердцем малыша, а его отец женат на другой.

По ту сторону двери раздается требовательный стук, но на этот раз я лишь раздраженно отмахиваюсь:

– Занято!

И плевать, сколько времени придется провести в этой кабинке. Мне нужно, чтобы бушующая в груди истерика сошла на нет, а глаза хотя бы немного высохли от слез. Не хочу, чтобы вся съёмочная группа потом обсуждала, как Олеся Елисеева ревела прямо на площадке. Ни к чему это.

Горе должно быть тихим. Так же, как и счастье.

Спустя пятнадцать-двадцать минут я наконец нахожу в себе силы подняться на ноги. Высмаркиваюсь в бумажный платочек и, выбросив его в урну, покидаю место своего укрытия.

Судя по времени, у нас скоро обед, который я не намерена пропускать. Во-первых, в моем положении мне нужно хорошо питаться. Во-вторых, я вовсе не из тех людей, которые на фоне переживаний объявляют голодовку. В моменты душевной смуты у меня, наоборот, просыпается жор. Я не прорабатываю стресс, я его заедаю.

Вхожу в столовую и, окинув взглядом небольшое помещение, замечаю в дальнем углу Настю Ермолову, ассистентку художника-постановщика. Мы с ней неплохо ладим, поэтому, водрузив на поднос обед, я направляюсь к ней.

– Привет, – сажусь по соседству.

– Привет, – Настя окидывает меня внимательным взглядом. – Ты простыла, что ли?

– Нет, – напрягаюсь. – С чего ты взяла?

– У тебя глаза красные.

Черт...

– Эм... Нет, просто аллергия, – нахожусь я. – На цветение.

– Понятно.

Настя погружает ложку в жидковатое картофельное пюре, а я вдруг ни с того ни с сего вспоминаю, что приятельница – опытный специалист. Если я ничего не путаю, она работала с Троицким еще над позапрошлым его фильмом. А значит, в теории может знать про него что-нибудь интересное... Что-то такое, что не известно ни Интернету, ни широкой публике. Потому что в официальных источниках про жену Троицкого – ни слова.

Раньше я никогда специально не собирала информацию на Стаса у коллег. Не видела в этом нужды. Однако теперь, когда наружу всплыла внезапная новость о его браке, любопытство вспыхнуло во мне с новой силой:

– Слушай, Насть, а ты не знаешь, наш главный с кем-то встречается?

– Троицкий, что ли? – усмехнувшись, поворачивается ко мне. – Ну ты проснулась.

– В смысле?

– Ну мы уже половину первого сезона отсняли, – хихикает, – а ты только задалась этим вопросом.

– Да я как-то... Знаешь... Ну, не думала об этом всерьез.

– Да поняла я, поняла. Только достоверного ответа на твой вопрос все равно никто не знает.

– Это еще почему?

– Потому что Троицкий – скрытный тип. И его личная жизнь – это тайна, покрытая густым мраком.

– Даже так? – изумленно вскидываю брови.

– Нет, понятно, какие-то романы у него случаются, – продолжает рассуждать Настя. – Вокруг полно молодых актрис, а он красив как бог, чертяка... Но вот так чтобы прям серьезно с кем-то мутит – не слышала о подобном.

– Ему ведь уже много лет, – подмечаю как бы невзначай. – Он ни разу не был женат?

– Ой, там вообще мутная история, – Настя отпивает компот и увлеченно продолжает. – Вроде как была у него жена. Еще давным-давно, еще до времен великой славы. Но, по слухам, с ней какая-то драма приключилась. То ли она из окна выпрыгнула, то ли в психушку загремела, то ли еще что-то в этом роде...

– Да ла-а-адно? – я до глубины души поражена услышанным.

– Угу. Еще поговаривали, будто он сам ее убил. Но доказательств конкретных не было. В общем, это дело быстренько замяли, и с тех пор никто ничего не знает. То ли есть эта жена, то ли нет... А, может, это вообще такой пиар-ход был. Ну, чтобы окутать персону Троицкого ореолом некой таинственности.

– Жуть какая-то... – ежусь.

– Согласна, – кивает. – Жуть. Но одному богу известно, что из этого всего правда.

А вот это здравая мысль. Зная медийную тусовку, могу с уверенностью сказать, что раздувать слухи до вселенских масштабов – их любимое дело. Наверняка в жизни Троицкого все складывалось куда прозаичней, а тогдашняя желтая пресса подхватила обрывок какой-то сплетни и сделала из нее провокационный заголовок.

Скорее всего, жена Троицкого по сей день живет в его закрытом доме на частной территории. Отчитывает домработницу, выращивает цветы и не отсвечивает. Дабы избежать ненужной публичности и лишних пересудов.

Все очень просто и ясно как день.

Вот только мне от этого ни черта не легче...

Листаем дальше, выложила визуалы героев>>>

Визуализация

Дорогие читатели, хочу показать вам визуалы наших главных героев. Так вижу их я. Вы, конечно, можете представлять их по-своему)

Станислав Троицкий. Режиссер. 35 лет.

Олеся Елисеева. Начинающая актриса. 22 года.

Глава 4

Домой возвращаюсь с тяжелым сердцем. У нас с мамой прекрасные отношения, но я боюсь, что моя новость ее совсем не обрадует. Скорее, даже наоборот.

Дело в том, что у родительницы в каком-то смысле тоже была незавидная судьба. Ее муж и по совместительству мой отец бросил нас, когда я была совсем еще маленькой. Кажется, она говорила, что мне было чуть больше двух.

Он ушел к другой женщине. Сказал, что влюбился. Мама не стала его держать и ничего от него не ждала. Устроилась на вторую работу и вырастила меня самостоятельно. Так, как смогла.

Изобилия мы никогда не знали. Жили скромно, я бы даже сказала, бедно. Однако при этом в детстве я никогда не ощущала себя чем-то обделенной. Денег не было, но мама вязала мне красивые платья, которые я с гордостью носила в школу. А по выходным она всегда водила меня на прогулку в парк и покупала сладкий петушок на палочке.

Благодаря таким вот мелочам мои ранние годы были счастливыми и абсолютно безоблачными. Ценой больших усилий и упорного труда мама смогла создать для меня мир, в котором не было практически никаких невзгод. И я безмерно благодарна ей за это.

Когда, учась в старших классах, я приняла решение стать актрисой, родительница сразу же меня поддержала. Сказала, что уже давно видит во мне творческие задатки и считает нужным их развивать.

После экзаменов я подала заявления на поступление в несколько театральных ВУЗов. В том числе и в столичные. Каково же было мое удивление, когда в конечном итоге меня взяли. И даже согласилась предоставить студенческое общежитие.

Пару лет мы с мамой жили в разных городах, а потом подкопили денег и организовали ее переезд в Москву. Ну а что? Близких родственников, кроме друг друга, у нас нет, поэтому мы решили, что, несмотря ни на что, должны держаться рядом.

Мама продала квартиру и дачу в родном Нижнем Новгороде, взяла ипотеку, и мы переехали в небольшую двухкомнатную хрущевку на окраине Москвы. Да, неказисто. Да, небогато. Но зато – вместе.

Вот уже несколько лет мама работает бухгалтером в крупной логистической компании, а я упорно и неумолимо строю свою актерскую карьеру. Скажу честно, пробиться к Олимпу совсем непросто. Пока на моем счету только участие в рекламных роликах и пара-тройка ролей второго плана.

Просовываю ключ в замочную скважину и, пару раз прокрутив его по кругу, с порога кричу:

– Мам! Я дома!

– Хорошо, – доносится в ответ. – Мой руки и иди на кухню. Я как раз ужин готовлю.

Дома, как всегда, вкусно пахнет выпечкой, чистящим средством и цветами. Для меня этот аромат ассоциируется с уютом. С местом, где тебя ждут, поддерживают и любят.

Захожу на кухню и, чмокнув маму в щеку, заглядываю ей через плечо. Сегодня у нас, судя по всему, овощное рагу с курицей. Обожаю это блюдо. Пальчики оближешь.

– Ну, как дела на работе? – интересуется мама, не отрываясь от готовки. – Удалось сыграть ту сложную сцену?

– Да, – со вздохом сажусь на стул. – С третьего дубля отсняли.

– А чего такая кислая тогда?

– Да есть у меня причина...

Мама откладывает нож и, повернувшись ко мне лицом, впериется в меня внимательным взглядом. Должно быть, почувствовала какие-то тревожные нотки в моем голосе.

– Что случилось, Олесь?

Собираюсь с мыслями. Не знаю, как облечь их в слова. Если бы новость о беременности надо было сообщать на фоне рассказа о грядущей свадьбе, то было бы в разы проще. А так... Понятия не имею, с чего начать.

– В общем... Тут такое дело... Я беременна, мам...

– Что? – челюсть родительницы медленно отъезжает вниз.

– Да. Так получилось. Я забеременела от Стаса.

– Ну и ну, – мама пораженно опускается на соседний стул. – И давно ты узнала?

– Буквально сегодня.

– Да уж... Неожиданно, конечно... Но я тебя поздравляю! – выдавливает растерянную улыбку. – Ребенок – это большое счастье.

– Спасибо, мам...

– А Стасу уже сказала? – немного помолчав, спрашивает мама.

– Ага. Первым делом к нему побежала.

– А он что?

Болезненно морщусь и поджимаю губы. То, что я скажу дальше, маме совсем не понравится. Ведь она меньше всего на свете хотела бы, чтобы дочь повторила ее судьбу...

Молчание затягивается. Родительница напряженно ерзает на стуле, а я все думаю, как бы рассказать о реакции Троицкого...

– Дочь, ну не томи! – не выдерживает.

– Он... Он не хочет ребенка, мам...

– Так и сказал? – ахает она.

– Так и сказал, – подтверждаю мрачно. – А еще дал денег на аборт.

Мама в ужасе накрывает ладонью рот, я все никак не наберусь смелости посмотреть ей прямо в глаза.

– Как же так? Мне казалось, у вас все серьезно...

– Мне тоже так казалось, мам. Но на деле выяснилось, что он женат. А со мной у него была ни к чему не обязывающая интрижка...

На последних словах голос схватывается дрожью, и в нем явственно звучат слезы. А еще через секунду из глаз брызгает предательская влага.

Господи... Когда же я смирюсь с этой невыносимой потерей?

Родительница поднимается с места и сгребает меня в объятия. Крепкие. Теплые. Успокаивающие. Гладит меня по волосам и тихонько приговаривает:

– Ну-ну, моя девочка, не плачь. Все наладится. Вот увидишь, все будет хорошо.

– А если не будет? – реву я, уткнувшись носом в ее плечо.

– Будет. Обязательно будет. Всем, кто поступает по совести, в конце концов воздастся.

– Ты думаешь? – тяну с сомнением.

– Конечно. Когда твой отец оставил нас, я думала, это конец света. Но вот прошли годы, и посмотри, где я. Живу в уютной московской квартире, работаю на хорошей должности, а самое главное – у меня лучшая дочь на свете.

– Я не хочу делать аборт, мам, – шмыгаю носом.

– И правильно, – отзывается одобрительно. – Зачем тебе аборт, когда ты можешь стать мамой чудесного малыша или малышки?

– Мне будет непросто...

– Я помогу, милая, – целует меня в висок. – Я всегда буду рядом.

– И в карьере придется сделать паузу...

– Жизнь длинная. Успеешь еще и поработать, и карьеру сделать. А ребенок здесь и сейчас, ему мама нужна, понимаешь? Любящая и заботливая.

– Спасибо, мам, – тихонько всхлипываю. – Спасибо тебе за все.

– Да не за что, – отстранившись, садится обратно на стул и улыбается. – Стало быть, я скоро стану бабушкой?

– Ну да. Получается, что так, – утираю слезы тыльной стороной ладони.

– Боже мой! Как же я счастлива, Олесь! И не расстраивайся из-за Стаса, слышишь? Он дурак, раз не смог оценить такой щедрый подарок судьбы. Мы с тобой вдвоем со всем справимся, поняла? И никто нам не нужен.

Глава 5

После долгого и обстоятельного разговора с мамой я прихожу к выводу, что в текущих обстоятельствах просто не могу продолжать работать на Троицкого. Во-первых, мне будет больно его видеть. Во-вторых, он ни при каких обстоятельствах не должен узнать о том, что я решила оставить ребенка. И, в-третьих, мне стоит сосредоточиться на будущем, ведь отныне я буду нести ответственность не только за себя, но и за еще одну жизнь.

– А как насчет работы в театре? – говорит мама, когда мы на следующий день встречаемся за завтраком на кухне. – Помнится, раньше ты мечтала об этом.

– Это было еще до переезда в Москву, – вздыхаю. – Работа в театре – это колоссальный труд, который, к сожалению, не так уж хорошо оплачивается.

– Зато есть стабильность и регулярная зарплата. Да и по командировкам мотаться не придется.

– Я подумаю над этим, – отпиваю чай с сахаром.

На самом деле вопрос профессиональной занятости стоит сейчас как никогда остро. В ближайшие полгода я намереваюсь много и усердно работать, чтобы скопить деньги на послеродовой период. Полноценного декрета у меня явно не получится, но какое-то время я бы очень хотела провести дома, с малышом.

На данный момент у меня есть несколько рекламных контрактов. А еще впереди кастинги, на которых я должна выложиться по полной. Влезать в долгосрочные проекты, само собой, не имеет смысла, ведь совсем скоро у меня начнет расти живот. А подводить потенциальных работодателей – не в моих правилах.

Затолкав в себя бутерброды, я прощаюсь с мамой и, накинув на плечо рюкзак, покидаю квартиру. На автобусе доезжаю до метро, а на нем – напрямик до работы.

– Аллочка, доброе утро! – обращаюсь к помощнице режиссера, которая вечно крутится как белка в колесе.

– Доброе, – бурчит она, не отрывая взгляда от планшета.

– Я хотела с вами переговорить, – переминаюсь с ноги на ногу.

– По поводу?

– Дело в том, что я не смогу продолжить работу над проектом.

Алла замирает. Медленно поднимает на меня мрачный взгляд и, цокнув языком, поправляет очки в тонкой металлической оправе.

– Увольняться надумала?

– Да.

– Причина?

– Личное обстоятельства.

– Напомни, как твоя фамилия.

– Елисеева.

– А играешь кого?

– Служанку Сурикова.

– М-да. Не вовремя ты, конечно.

– Извините, – виновато пожимаю плечами. – Обстоятельства непреодолимой силы.

– Две недели нужно будет отработать. Отснимем все необходимые сцены с тобой, и пойдемь на волю.

– Хорошо, – радуюсь. – Спасибо.

– А пока пиши заявление и носи его Троицкому.

– Что? – улыбка медленно сползает с моих губ. – А обязательно к Троицкому?

Если честно, я рассчитывала, что мое увольнение состоится без его непосредственного участия.

– Конечно, обязательно, – отмахивается она. – Все иди, мне надо работать.

Алла теряет ко мне интерес, а я пару секунд пребываю в раздумьях.

Блин, не хотелось бы встречаться со Стасом... Но, похоже, иного варианта у меня нет. Что ж, чему быть, того не миновать. А перед смертью, как известно, не надышишься.

Быстро накатав заявление, направляюсь к вагончику Троицкого. В это время он обычно неспешно пьет кофе и просматривает недавно отснятый материал.

Коротко стучу.

– Войдите, – доносится изнутри.

– Доброе утро! – как можно холодней здороваюсь я.

– Олеся? – Стас вскидывает на меня пронзительный карий взгляд. – Привет.

– Я по делу, – тут же сообщаю я.

Чтобы он не дай бог не подумал, будто я жажду примирения или чего-нибудь еще в этом роде.

– По какому делу? – выходит из-за стола, приближаясь.

Я бы хотела покончить со всем быстро, но по лицу Троицкого вижу, что он никуда не спешит. Внимательно сканирует меня глазами и медленно скрещивает руки на груди.

– Я увольняюсь, Стас, – выпаливаю на одном дыхании. – Детали уже согласованы с Аллой. Тебе нужно просто подписать заявление.

Кладу на стол бумагу и выжидательно кошусь на Троицкого.

А он и бровью не поводит.

– Это из-за меня? – интересуется, помолчав.

– И из-за тебя тоже, – намеренно смотрю куда-то чуть левее его головы.

– Ну и к чему эта драма, Олеся? Мы же взрослые люди.

– Вот именно. Поэтому я стараюсь поступить по-взрослому. Продолжая работать на тебя, я не смогу вычеркнуть из памяти наши отношения.

– Думаешь, я буду тебя домогаться?

– Думаю, нам обоим это все ни к чему.

– Я не хочу, чтобы ты лишалась работы из-за недопонимания, возникшего между нами. Недопонимание?! Он так это называет?

– За меня не переживай, – цежу. – Я не пропаду.

– Олеся...

– Подпиши чертово заявление, Стас! – огрызаюсь я. – Большого от тебя не требуется!

Какое-то время он пристально изучает мое лицо, а затем наклоняется, берет ручку и размашистым движением оставляет свой автограф на листе бумаги.

– Вот и все. Ты довольна?

– Более чем.

Намереваюсь забрать у него заявление, но он отводит руку в сторону.

– Что насчет ребенка? Какое решение ты приняла?

– Пойду на аборт, – лгу, глядя ему прямо в глаза. – Как ты и хотел.

– Послушай, – вздыхает, проводя пятерней по волосам, – возможно, я погорячился. Если ты вдруг захочешь оставить ребенка, то...

– Не захочу, – перебиваю зло. – Мне незачем размножать гены такого лжеца, как ты.

Я знаю, что произношу ужасные вещи. Но при этом мне так больно, что желание причинить Стасу ответную боль совершенно непреодолимо.

– Что ж, справедливо, – Троицкий горько усмехается. – В таком случае не смею больше задерживать.

Выхватываю заявление и, громко хлопнув дверью, вылетаю прочь.

Быстрее бы отработать обязательные две недели и вычеркнуть этого подлеца из жизни.
Раз и насовсем.

Глава 6

Восемь месяцев спустя.

– Пойдешь со мной на премьеру фильма «Суровой жизни берега»? – спрашивает Алена, моя подруга и по совместительству одноклассница, с которой мы вместе постигали азы актерского мастерства. – У меня в приглашении плюс один отмечено.

Режиссер этой нашумевшей мелодрамы, о которой не судачит, кажется, только ленивый, Станислав Троицкий. Отец моего ребенка и мужчина, разбивший мне сердце. Поэтому мой ответ очевиден: на премьеру я не пойду.

– Не-а, – качаю головой. – В моем положении опасно уходить далеко от дома. Того и гляди рожу.

– Да, животик уже совсем большой, – подмечает подруга, окидывая взглядом мое изрядно раздавшееся тело. – Ты так и не вышла на связь с отцом ребенка?

Никто из моего окружения, кроме, разумеется, мамы, не знает, что я забеременела от знаменитого режиссера Троицкого. Я сохранила эту информацию в тайне по многим причинам.

Во-первых, не хочу, чтобы Стас прознал о том, что я все-так оставила ребенка. Во-вторых, мне совершенно не нужны лишние сплетни и слухи вокруг. Ну и, в-третьих, я банально мечтаю перелистнуть эту главу жизни и больше не вспоминать о мужчине, который когда-то причинил мне неимоверную боль.

Поэтому официальная версия для всех моих знакомых такова: я забеременела от малоизвестного актера, с которым нас связывал короткий, ни к чему не обязывающий роман. Узнав о ребенке, папаша слился, ну а я, как и подобает матери-героине, решила растить свое чадо в одиночку.

Придуманный мной сюжет во многом отдает киношной претенциозностью, но в то же время не так уж далек от истины. Просто в своей фантазии я заменила серьезного взрослого режиссера на несерьезного молодого актера и вуаля – картинка сложилась как по маслу.

Благодаря этой подмене окружающим мало интересен отец моего ребенка. А значит, и лишних вопросов прилетает куда меньше.

– На связь с отцом ребенка не вышла и не собираюсь выходить, – отпивая безалкогольный коктейль, отвечаю я. – Нам с малышкой не нужен этот инфантильный безответственный тип.

– Малышкой? – оживляет Алена. – Так, значит, у тебя будет дочка?

Мы с подругой давненько не виделись, поэтому она и не в курсе последних новостей моей не шибко разнообразной беременной жизни.

– Да, дочка, – улыбаюсь. – Как я и мечтала.

– Поздравляю! Уже придумала имя?

– Ага, – заговорщически играю бровями.

– Скажешь? – Алена заинтригованно подается вперед.

– Только по секрету, – хихикаю. – Мы с мамой решили назвать малышку Дариной.

– Ого! Какое необычное имя!

– Ага.

– А как сокращенно? Даша?

– Да, можно просто Даша, – киваю.

– Отличный выбор. А отчество свое дашь?

– Мамино, – смеюсь.

– В смысле?

– Ну у меня мама Женя. И мы решили, что будет забавно, если Дарина станет Евгеньевой.

– Ну вы и выдумщицы! – хохочет.

– Ну а что? Мужчин в нашей жизни нет, – пожимаю плечами. – Мы сами себе хозяйки.

– Умницы такие.

– Ну а у тебя как дела, Ален? Как тебя вообще на премьеру «Суровой жизни берега» занесло?

– Ой, там такая история, – она игриво подпирает кулачком щеку. – Меня же сам Троицкий пригласил.

– Да ты что? – я изо всех сил стараюсь скрыть постигший меня шок.

Да что ж это такое? Даже с подругой в кафе нельзя посидеть без упоминания этого человека!

– Мы с ним познакомились на выставке, посвященной современному искусству, – делится она. – Сначала просто стояли рядом, потом разболтались. В общем, слово за слово, и он мне говорит, мол, у меня скоро премьера фильма. Если хочешь, приходи. И приглашение дал.

– Ну и ну.

– Ты даже не представляешь, какой он в жизни высокий и красивый, – тянет мечтательно, а затем спохватывается. – Хотя кому я рассказываю? Ты же у него в сериале «Камыш», кажется, снималась.

– Да. Было дело.

– В общем, признаться честно, я даже немножко в него влюбилась, – продолжает Алена. – Он такой умный, сдержанный. С такими манерами... Ну, знаешь, – она пытается подобрать слово, – как у царя!

– Ага, пафоса Троицкому не занимать.

– И главное, видно, что это все не напускное. Что она реально так чувствует, так видит эту жизнь!

Слышать Аленкины дифирамбы в адрес Стаса, мягко говоря, неприятно. Я, конечно, осознаю, что после меня у него наверняка была куча интрижек, но все же получать прямое доказательство тому, что он меня забыл, очень и очень больно.

После того, как я уволилась из сериала, Троицкий пару раз мне звонил. Его звонки раздавались в тишине ночи и всегда были очень неожиданными. Естественно, я не брала трубку. А зачем? Чтобы опять мучиться? Опять терзаться и страдать?

А потом, буквально пару месяцев назад, он прислал мне смс: «Надеюсь, ты счастлива». Говоря по правде, тогда мое сердце дрогнуло. Сжалось, споткнулось и затем застучало как бешеное. В сущности, глупость. Банальное сообщение, наверняка написанное на пьяную голову, но меня оно почему-то задело за живое...

Выходит, Троицкий нет-нет да вспоминает обо мне?

Тогда я тоже ничего ему не ответила. И теперь понимаю, что не зря. Судя по рассказу Алены, Стас неплохо проводит время без меня: снимает кассовые фильмы, ходит по выставкам, флиртует с молоденькими актрисами...

Словом, пока я сосредоточенно готовлюсь к родам, жизнь у бывшего бьет ключом. И это еще один знак в пользу того, что нам с ним не по пути.

Глава 7

– Будь осторожнее, – предостерегаю подругу. – Троицкий тот еще жук.
– Почему? – Алена удивленно кривится.
– Не знаю, – пожимаю плечами, стараясь не слишком выдавать свою заинтересованность.
– Всекие слухи про него ходят...

– Какого плана?

– Ну-у-у... Например, что он женат.

– Да? – вздергивает брови. – Не слышала... Хотя, знаешь, про красивых мужчин, работающих в киноиндустрии, постоянно что-то болтают. Вечно какие-то сплетни, предположения, домыслы. Я считаю, что это часть профессии, и к этому надо относиться по-философски. И вообще, подобную информацию можно воспринимать только из достоверных источников.

Ха. Куда уж достоверней. Не так давно Троицкий самолично мне заявил, что у него есть жена, с которой он, судя по всему, не собирается разводиться.

Но вслух я, само собой, это не озвучиваю. Моя тайна должна умереть вместе со мной.

– Конечно, – киваю. – Думай своей головой. Просто держи ушки на макушке.

– Ну, это естественно, – усмехается. – Все мужики – даже некрасивые и неизвестные – имеют обостренную хитрость.

– А как на работе дела? – любопытствую. – Роли предлагают?

– Предлагают всякое-разное, – Алена трубочкой размешивает лед в коктейле. – На прошлой неделе, например, предложили сыграть проститутку в одном сериале. Это вроде как социальная драма, но я все равно сомневаюсь... С одной стороны, работа довольно масштабная, а с другой, первая роль – и сразу проститутка... Вдруг это даст мне какой-то неправильный имидж?

Алена продолжает рассуждать о своих профессиональных терзаниях, а я вдруг ощущаю странную тянущую боль внизу живота. Будто во время месячных... Хотя месячных у меня не было много-много месяцев.

Поерзав на стуле, меняю положение тела и снова пробую вникнуть в речь Алены. Однако неприятные ощущения повторяются. Такое чувство, будто на меня что-то давит... Да и поясница неприятно напрягается.

Накрываю ладонью живот и принимаюсь его поглаживать. Вдруг это малышка внутри переволновалась? Вдруг как-то случайно уловила, что совсем недавно разговор шел об ее отце?..

Знаю-знаю, звучит как бред сумасшедшей. Но в то же время я правда странно себя чувствую. Такого раньше не было...

– Что с тобой, Олесь? – спрашивает Алена, заметив, что я потеряла интерес к ее рассказу.

– Я... Я не знаю, – отзываюсь растерянно. – Живот как-то резко заболел... И словно каменеет...

– Может, тренировочные схватки? – предполагает она. – Я слышала, что на поздних сроках беременности бывает такое.

– Да, я тоже... Наверное, это действительно они...

– Какая у тебя сейчас неделя?

– Тридцать пятая... Нет, погоди. Тридцать шестая уже пошла.

– Для настоящих родов еще рановато... Может, сходишь в туалет? Проверишь, все ли там в порядке?

– Д-да, – неуклюже встаю на ноги. – Сейчас приду.

Сильно разволновавшись, бреду в туалет. То, что сейчас происходит с моим телом, мне совсем не нравится. Я не врач и прежде никогда не была беременной, но даже мне очевидно, что это все ненормально.

Пока дохожу до кабинки, меня несколько раз бросает в пот. Не знаю, то ли от нервов, то ли еще от чего...

Закрывшись в уборной, трясущимися пальцами стягиваю белье, а в следующую секунду с губ срывается тихий испуганный стон. На трусах – небольшое алое пятнышко. Кровь на моем сроке – это опасный вестник, поэтому я быстренько одеваюсь и семеню обратно к Алене.

– Кажется, это не тренировочные схватки... У меня кровь...

– Господи! – она накрывает рот рукой, а потом судорожно лезет в сумочку. – Я звоню в скорую! А ты присядь и постарайся не нервничать!

Легко сказать – постарайся... В голове уже проносятся самые страшные сценарии... Вдруг с ребенком что-то случилось? Вдруг со мной что-то не то?

До текущего момента беременность протекала как по маслу. Все было хорошо, я ни на что не жаловалась. Даже с токсикозом вначале не сильно мучилась. Так почему же в один момент все переменялось? Ведь мне осталось доходить каких-то четыре недели...

Алена вызывает скорую, а я набираю номер мамы и коротко обрисовываю ей ситуацию. Родительница, естественно, приходит в ужас. Спрашивает, где я нахожусь, и обещает скоро приехать. Я отвечаю ей, заявив, что лучше ей направиться прямиком в больницу, в которую меня повезут. Она соглашается и просит меня держать ее в курсе подробностей.

А схваткообразные боли меж тем продолжают. На момент наивысшего болевого пика живот становится очень твердым, а потом внезапно расслабляется...

Наш с Аленой кипиш привлекает внимание персонала и других посетителей. К нам подходит администратор ресторана и интересуется, что происходит. Подруга информирует его о положении вещей, и мне представляют широкое кресло с мягкой подушкой, где я могу дожидаться скорой.

– Господи, ты вся вспотела, – Алена сочувственно гладит меня по плечу. – Диспетчер сказала, что нужно считать интервалы между схватками и их длительность. Говори, когда снова начнутся ладно? Я буду засекать.

– Хорошо.

Скорая приезжает довольно быстро. Врачи осматривают меня и без лишних слов погружают в машину. Уже в больнице седовласый акушер-гинеколог оглашает финальный вердикт: преждевременные роды.

А затем фокусирует на мне взгляд и со вздохом произносит:

– Крепитесь, милая. Сейчас надо будет постараться.

Глава 8

Три года спустя.

– Извините, – коротко постучав в дверь, распахиваю ее. – Можно мне доктора Вербинского? Я уж больше получаса жду...

– Выйдите из ординаторской! – возмущенно бросает молодая девушка в белом халате.
– Пациентам сюда нельзя!

– Мне срочно! – не тушуюсь я. – Доктор Вербинский на месте?

– Как только он освободится, сразу к вам выйдет, – ворчит она.

– А можете, пожалуйста, у него узнать, как долго мне еще ожидать? А то я на работу опаздываю...

– Девушка! Я вам тут не секретарь!

– Я понимаю, – со вздохом. – Извините, пожалуйста. Просто у моей дочери какая-то сердечная аномалия на медосмотре выявилась... Врачи смотрят ЭКГ, охают-ахают, но никто ничего толком не объясняет... Я дико волнуюсь.

Видимо, мое откровенное признание слегка подтапливает лед в ее сердце, потому что она качает головой, а потом как бы нехотя произносит:

– Как фамилия вашей дочери?

– Елисеева. Дарина Елисеева, – отвечаю с готовностью.

– Сейчас узнаю у Семена Степановича. А вы пока ждите в коридоре.

– Спасибо вам большое.

Закрываю дверь и вновь опускаюсь на пластиковое больничное кресло. Обхватываю дрожащими пальцами колени и погружаюсь в томительное ожидание. Нервы натянуты струной, а сердце мечется в груди как обезумевшее. Я очень переживаю, но изо всех сил не позволяю панике взять верх.

Дыши, Олеся. Дыши. Сейчас тебе нужны холодная голова и трезвый ум.

Все началось внезапно. Мы с Дариной пошли на медосмотр перед поступлением в детский сад. Без каких-либо жалоб. Просто потому, что так положено.

Просматривая результаты электрокардиограммы, врач заподозрил что-то неладное и назначил нам дополнительные исследования. Мы сдали анализы, прошли все необходимые процедуры, но внятного ответа до сих пор не получили. Чуть позже нас направили к доктору Вербинскому, который, насколько я поняла, должен прояснить эту запутанную ситуацию.

Несмотря на преждевременные роды, Дарина появилась на свет абсолютно здоровой девочкой. У нее не наблюдалось никаких отклонений. По крайней мере, именно так мне сказали в роддоме. Она хорошо себя чувствовала, сразу взяла грудь, показатели ее жизнедеятельности были в норме.

Три года мы с дочкой жили, не зная бед и печалей, и тут бац – новость о том, что что с ее сердечком что-то не в порядке. Прямо как снег на голову. Я так обескуражена подобным поворотом, что совершенно не знаю, как себя вести. Мама советует не нагнетать и не драматизировать раньше времени, но сказать-то легко, а вот выполнить – в разы труднее.

Дашка – мое солнышко. Мой лучик света в череде бесконечных серых будней. И если с ней вдруг что-нибудь случится, я умру. Просто не смогу жить дальше.

Это так странно... Я больше двадцати лет обходилась без ребенка, и это казалось мне совершенно естественным. А потом у меня появилась Дарина, и жизнь заиграла совершенно иными красками.

Такое чувство, что, став мамой, я наконец узрела истинный смысл жизнь. Любить. Оберегать. Заботиться. Дарить тепло и поддержку самому дорогому человечку на свете. Это ли не настоящее счастье?

– Олеся Дмитриевна? – голос, раздавшийся над ухом, выдергивает меня из тягостных мыслей.

Вздрагиваю и вскидываю взгляд.

Передо мной мужчина лет пятидесяти. Высокий. Поджарый. С пронизательными серыми глазами, спрятанными за тонким стеклом очков-половинок.

– Да, это я, – вскакиваю на ноги как ужаленная. – Вы мне объясните, что с моей дочерью?

– Вы присаживайтесь, присаживайтесь, – Семен Степанович кладет руку мне на плечо и мягко надавливает, вынуждая вновь опуститься на сидение. – Мы сейчас с вами обстоятельно побеседуем, только, пожалуйста, обещайте не нервничать. Лишнее волнение нам совершенно ни к чему.

– Хорошо, – отвечаю я.

Хотя внутренне, вопреки своему обещанию, жутко тревожусь.

– На основе предоставленных вами данных, я могу сделать вывод, что у вашей дочери редкое заболевание сердца, характеризующееся желудочковой тахикардией, – начинает врач.

– Но... Как это возможно? – в ужасе лепечу я. – Дарина была совершенно здорова...

– К сожалению, эта патология может никак не давать о себе знать в течение довольно долгого периода времени. Некоторые люди узнают о ней уже во взрослом возрасте.

– И откуда эта болезнь? Она врожденная?

– Да, – кивает. – Как правило, подобные аномалии связаны с генными мутациями, которые влияют на структуру и функции натриевых каналов, в результате чего снижается содержание калия в мышечных клетках сердца и нарушается его проводимость.

– П-понятно, – заикаюсь я, хотя на самом деле ничего не понятно. – И насколько это все серьезно?

– Скажу так: поводов для паники нет. Но пускать это на самотек крайне опасно.

– Что же может произойти? – спрашиваю я, дрожа всем телом.

– Впоследствии могут проявиться некоторые явные симптомы этого заболевания: затруднение дыхания, обмороки, судороги, снижение коронарного кровоснабжения.

– Господи... – я накрываю рот рукой. – Какой ужас...

На глаза наворачиваются слезы, а в носу начинает зудеть. Только не это! Моя девочка не заслужила всех этих страданий!

– Да, – Вербинский задумчиво потирает переносицу. – Но это, к сожалению, не самое страшное.

– А что самое страшное? – перестаю дышать.

– То, что примерно у трети пациентов начальным симптомом этого заболевания становится внезапная остановка сердца.

Глава 9

Слова врача звучат как приговор. Ощущаются как висельная петля, которая медленно затягивается на шее. Вызывает удушье и неконтролируемую дикую панику.

Начальным синдромом болезни может стать остановка сердца.

Я готова отдать все, что у меня есть, лишь бы эта жуткая фраза мне послышалась. Но она, увы, не послышалась. Семен Степанович произнес ее достаточно четко. И она до сих пор эхом гудит у меня в голове.

– Как же... Как же так?! – хриплю я, глотая горькие слезы. – Выходит, моя дочь может умереть в любой момент?

– Я не думаю, что это произойдет в ближайшее время, – прокашлявшись, отвечает врач. – Но все же гарантий у нас нет. К сожалению, это довольно непредсказуемая патология.

Всклипнув, я роняю лицо в ладони и выпускаю наружу скопившуюся внутри боль. У меня такое чувство, будто небеса с грохотом рухнули на землю, вмиг придавив меня своей тяжестью. Я не могу успокоиться. Не могу трезво мыслить и формулировать правильные вопросы. Мне так плохо, что хочется выть. Словно волчица на луну.

Я давно уяснила, что жизнь несправедлива. Наверное, еще в детстве. Когда отец бросил нас с мамой, и ей в одиночку пришлось тащить две работы, быт и воспитание ребенка.

Потом я в очередной раз убедилась в этом четыре года назад. Когда любовь всей моей жизни, мужчина, которого я отчаянно боготворила, хладнокровно отправил меня на аборт.

Мне было больно, но я справилась. Потому что в результате нашей связи у меня появилась моя Дашенька. Но справлюсь ли я теперь, когда самому главному человечку в моей судьбе угрожает смертельная опасность?

Я знаю, что рассуждаю как мать, по уши влюбленная в свое чадо, но Дарина – необыкновенная девочка. Правда. Не по годам смысленная, чуткая, ласковая, озаряющая своей улыбкой все вокруг. У нее впереди должна быть потрясающая яркая жизнь, полная счастливых моментов и великих свершений, а не угроза внезапной остановки сердца.

Это слишком жестоко. Слишком несправедливо.

– Ну-ну, тише, Олеся Дмитриевна, – теплая ладонь доктора ложится на мое плечо. – Не плачьте. Слезам горю не поможешь.

– А чем поможешь? – я вскидываю на него мутный взгляд. – Есть какое-то лекарство? Или операция, которая может спасти жизнь моей дочери?

– Вообще-то есть, – отвечает он.

В моей душе, подобно бенгальскому огоньку, зажигается надежда. Робкая, несмелая, но наполняющая грудь обжигающим теплом.

– Но у нас в России ее, к сожалению, пока не делают, – продолжает он. – Недостаточно опыта и клинических наблюдений.

– А где делают? – я утираю щеки дрожащими пальцами.

– В Германии. Там есть одна клиника, которая как раз специализируется на проблемах такого характера. Люди со всего мира едут туда и после операции избавляются от проблем с сердцем навсегда.

Его слова звучат обнадеживающе, но даже я – неопытный в медицинских вопросах человек – явственно чувствую ложку дегтя в бочке меда.

Германия – это Европа. Европа – это всегда дорого. Даже в вопросах туризма, а уж про медицинские услуги я вообще молчу... Наверняка операция, о которой идет речь, стоит поистине баснословных денег. И где же мне – матери-одиночке – их взять?

– Я так понимаю, чтобы оплатить эту операцию мне придется продать почку? – шмыгаю носом.

– Торговля органами запрещена на законодательном уровне, – отвечает Семен Степанович, не уловив моей горькой иронии. – Но есть фонды.

– Какие еще фонды?

– Разные благотворительные фонды. Многие из них как раз заточены на помощь детям. Они собирают средства на операции и помогают малышам обрести здоровье.

Да, я слышала о чем-то подобном. И даже несколько раз участвовала в пожертвованиях. Помнится, когда я училась в институте, мы собирали деньги на помощь детям, больным раком. Я тогда жутко им сочувствовала и не думала, что эта страшная ситуация когда-нибудь коснется лично меня...

– На это могут уйти годы, – вздыхаю я.

– Да, к сожалению, это небыстрый процесс, – подтверждает доктор.

– А сердце моей Даши может остановиться в любой момент, – продолжаю с отчаянием.

– Послушайте, Олеся, – он заглядывает мне в лицо. – Я понимаю, что в данной момент ситуация кажется вам катастрофой, но поверьте, это далеко не так. У вашей дочери хотя бы есть шанс. Вполне реальный шанс на выздоровление. За годы работы я повидал сотни детей, у которых этого шанса попросту не было. Они медленно погибали на глазах близких, и медицина была бессильна им помочь. У вашей дочки редкий диагноз, но он излечимый. Мы направим запрос в немецкую клинику, узнаем стоимость операции и начнем сбор. Как только нужная сумма будет в кармане, ваша девочка станет совершенно здоровой. И вы забудете эту ситуацию, как страшный сон.

– А если непоправимое случится раньше?..

– Не думайте об этом, – отсекает. – В вашей ситуации опасения и переживания бессмысленны. От них нет никакого толку. Вам нужно сосредоточиться на возможностях и делать то, что должно.

– Да-да, – киваю.

Прямо сейчас мне очень трудно принять эту правду, но сотой долей незамутненного эмоциями сознания, что я понимаю, что Семен Степанович говорит дельные вещи.

Да, ситуация патовая, но в моменте я никак не могу на нее повлиять. Только холодная голова и трезвый ум помогут мне справиться с тяжелыми жизненными обстоятельствами.

Я дам себе немного времени на принятие неизбежного и рефлексии, а потом соберусь с силами и приступлю к решительным действиям.

Ради Дашки. Ради нашей с ней маленькой семьи.

Глава 10

– Мамочка! – дочь падает ко мне в объятия, едва я переступаю порог квартиры.

От нее пахнет детским шампунем, выпечкой и... любовью. Возможно, это странно, но в последнее время я четко ассоциирую Дашкин аромат с этим чувством. Став мамой, я поняла, что любовь к мужчине и любовь к ребенку – это две совершенно разные вещи.

Мужчину можно отпустить. Выдрать из сердца. Пускай с кровью, с ошметками мяса, но все же выдрать. А ребенок – это навсегда. На всю оставшуюся жизнь.

Чувства к собственному чаду – это нечто фундаментальное, незыблемое, не поддающееся никаким законам логики.

– Привет, моя сладкая, – зацеловываю пухлые румяные щечки дочери. – Ты поспала?

– Да, – кивает. – Мы с бабушкой проснулись, а потом она включила мне мультики.

– Хорошо, – с нежностью провожу ладонью по мягким кудряшкам. – Мама очень по тебе соскучилась!

– А я по тебе! – Дарина снова виснет у меня на шее.

А я изо всех сил стараюсь не расплакаться.

Не хочу показывать дочке слезы. Не хочу, чтобы она знала, что это из-за нее. Мой долг – как можно дольше оставлять ее в блаженном неведении.

По дороге из больницы я пребывала в жутком состоянии. Мне казалось, что мое тело разваливается на части, а душа заживо горит в огне. Новость о Дашкином диагнозе придавила меня. Выбила почву из-под ног.

Я медленно брела по улице и все думала: как же так? Как же здоровая цветущая девочка вдруг оказалась на грани смерти? Ведь в мире так много людей, для которых столь страшный диагноз был бы... Как лучше выразиться?.. Ну, закономерным, что ли.

Многочисленные воры, маньяки, убийцы живут и здравствуют. А ни в чем не повинный ребенок вынужден бороться за свою жизнь. Даже если нам удастся собрать нужную сумму денег, Дарине предстоит операция. Серьезная операция на сердце. И одному богу известно, справится ли ее организм с такой нагрузкой...

– Привет, Олесь, – на пороге прихожей появляется мама с кухонным полотенцем в руках. – Какие новости?

– Новости так себе, – отвечаю я, сглатывая ком, першащий в горле. – В деталях чуть позже расскажу, – взглядом указываю на Дашку, которая по-прежнему льнет ко мне как котенок. – Есть, что перекусить?

– Да, – кивает родительница. – Мои руки и за стол. Я только что гуляш сварила.

Мы с мамой всегда понимали друг друга с полуслова, а с появлением Дарины и вовсе стали ограничиваться одними лишь многозначительными взорами. Мне не надо пояснять, что прямо сейчас я нахожусь на моральном дне и еле креплюсь. Она видит это по моему лицу.

С тех, пор как Дашка вошла в нашу с мамой жизнь, мы существенно перестроили быт. Родительница поменяла график работы так, чтобы подстраиваться под мои трудовые будни. Я же полностью перенаправила вектор деятельности: ушла из актрис и устроилась работать в магазин косметики. Теперь я целыми днями помогаю подбирать парфюм состоятельным мужчинам и женщинам. Работа непростая, но платят исправно. А для меня в данный период жизни это ключевой критерий.

В течение вот уже трех лет мы с мамой по очереди присматриваем за Дашей. Как правило, в первой половине дня работает родительница, во второй – я. Живем мы небогато, но денег, в целом, хватает. По морям, конечно, не летаем, однако и явной нужды не знаем.

Все, как у всех.

С сентября Дарина должна была пойти в детский сад. Я уже даже стала помышлять о том, чтобы оставить магазин и устроиться на работу в театр. Брать небольшие роли и понемногу входить в колею. Вознамерилась двигать вперед замершую на паузе карьеру.

Но жизнь вновь внесла свои коррективы. С этим жутким диагнозом вообще неизвестно, сможет ли дочка посещать садик... Возможно, что ей и дальше придется находиться под моим и бабушкиным присмотром...

Сажусь за стол, и мама ставит передо мной тарелку картофельного пюре, покрытого ароматным гуляшом.

– Дашуль, иди пока мультики посмотри, – ласково говорит мама, обращаясь к внучке.
– А к чаю я тебя позову.

Кивнув, малышка покидает кухню. Мама садится напротив, подпирает кулаком подбородок и одаривает меня долгим вдумчивым взглядом. Дескать, ну давай, рассказывай.

Шумно выпускаю воздух из легких и приступаю к повествованию. Воспроизвожу наш с доктором Вербинским диалог, изредка прерываясь на тихие малодушные всхлипы.

Мама слушает меня внимательно, время от времени задавая уточняющие вопросы. Несмотря на шокирующий характер информации, которую я озвучиваю, ей удается сохранять спокойствие. По крайней мере, внешне. Она не ахает, не причитает, не нагоняет панику. В ее глазах читается боль, та самая, которую ощущаю и я, но, в отличие от меня, родительница не проваливается в истерику. И я безмерно ей за это благодарна. Ведь в столь сложную минуту мне рядом нужен человек, который поддержит и подставит плечо. Мне нужна точка опоры, которую я потеряла в момент пугающего разговора с врачом.

– Не реви, Олесь, прорвемся, – мама протягивает руку и ловит мою дрожащую ладонь в свою, теплую и мягкую. – Дашка – боец. Так же, как я. Так же, как ты. Мы, Елисеевы, не сдаемся. Как бы туго нам ни приходилось.

Невзирая на слезы, я улыбаюсь. Потому что от ее слов действительно легче. Они заряжают надеждой и верой в лучшее. Сидя рядом с мамой, я и впрямь начинаю думать, что все будет хорошо.

– Спасибо, мам. Я тебя люблю.

– А я тебя, – ободряюще вздергивает уголки губ. – Когда будет известна стоимость операции? Нам надо поскорее обращаться в фонд. Чем быстрее начнем, тем быстрее соберем нужную сумму.

– Вербинский сказал, что ответ стоит ждать в течение недели. Им необходимо списаться с тамошними врачами и обрисовать клиническую картину.

– Понятно, – отзывается мама. – Значит, будем ждать.

– Ага.

– А ты ешь-ешь, Олесь. Вдоволь. Тебе силы ой как понадобятся.

Глава 11

– Девушка, в где у вас стенд «Том Форд»? – ко мне обращается женщина средних лет в экстравагантной широкополой шляпе.

– Здравствуйте! – приветливо улыбаюсь. – Он находится чуть левее, – делаю соответствующий жест рукой. – Для себя аромат подбираете?

– Угу.

Она теряет ко мне интерес и семенит в указанном направлении. Но я, понятно дело, не собираюсь отступать. Нам платят проценты с продаж, так что я не намерена упускать ни одного клиента.

– Какой именно парфюм вас интересует? – не отстаю я.

– Милочка, не утруждайтесь, – она отмахивается от меня, слово от назойливой мухи. – Я прекрасно справлюсь с выбором сама.

– Возможно, вас заинтересует недавно вышедшая новинка. Какие ароматы вы предпочитаете? Цветочные? Цитрусовые? Или, может быть, любите более плотные текстуры?

Женщина засовывает меня в игнор. Теперь ее тактика такова: она делает вид, будто мои слова не долетают до ее ушей. Очень невежливо. Но за два с половиной года работы в парфюмерном отделе я и не такое видала.

– Позвольте, я продемонстрирую вам вот этот парфюм, – хватаю блоттер и пару разу пшикаю на него продуктом. – Послушайте. Нотки лимона наполняют композицию свежестью, в то время как экстракт дуба и кипариса напоминают солоноватый запах величественного прибрежного леса...

– Олесья? – звук собственного имени вынуждает меня отвлечься и обернуться.

На секунду зависаю в замешательстве. Образ стоящей передо мной девушки до боли знаком, однако я никак не могу припомнить обстоятельства нашего знакомства...

– Олесь, это я, Тася, – улыбается девушка. – Мы вместе в институте учились, помнишь?

Ну точно! Тася Каштанова! Она была на курс старше, чем я, и мы время от времени пересекались на студенческих тусовках.

Милая девушка. Хотя, если честно, жутко изменилась! Раньше Тася была рыженькой, а теперь ее волосы приобрели глубокий темный оттенок. А еще она отстригла каре и заметно похудела. Так что неудивительно, что я не признала ее с первых секунд.

– Тася, здравствуй! – я широко и искренне улыбаюсь. – Сколько лет, сколько зим! Ты прекрасно выглядишь!

– Спасибо большое, ты тоже, – она взбивает короткие пряди. – Работаешь тут?

– Да, – киваю я.

– Поняла, что актерство не твое?

– Не совсем, – вздыхаю. – Просто из-за ряда жизненных обстоятельств мне пришлось отказаться от карьерных притязаний. Надеюсь, что временно.

– Ого, что-то серьезное?

– Да как тебе сказать... – почесываю затылок. – Всего лишь роды и воспитание ребенка.

– Ну и ну! – восклицает. – Так ты, стало быть, мама?

– Стало быть, так, – усмехаюсь.

– Поздравляю, Олесь! Это большое счастье!

– Спасибо, – испытываю легкое смущение. – Ну а у тебя какие новости? Как повернулась жизнь?

– Ты знаешь, не жалуясь. Сейчас у меня пара-тройка рекламных контрактов, а в следующем месяце начнутся съемки сериала. Я там играю любовницу главного героя. Роль небольшая, но очень острая.

– Здорово.

– А еще я замуж выхожу. В сентябре, – протягивает руку и демонстрирует мне кольцо с настолько огромным камнем, что у меня не остается никаких сомнений относительно состоятельности ее жениха.

Делаю вид, что люблю прекрасным бриллиантом, а сама испытываю какое-то странное ощущение. Что это? Раздражение? Разочарование? Зависть?

Тася никогда не слыла красавицей и супер талантливой студенткой, но, несмотря на это, ее жизнь сложилась гораздо удачнее, чем у меня. Она круто выглядит, занимается любимым делом и совсем скоро создаст свою собственную семью с достойным мужчиной.

А я стою здесь, посреди этого огромного торгового зала, в нелепом коричневом фартуке, с наспех собранными пучок волосами и чувствую себя полным ничтожеством. Ни одна из моих личных амбиций не удовлетворена. Мне двадцать шесть, а я до сих пор девочка на побегушках.

Не так я представляла свою жизнь в этом возрасте. Совсем не так.

– Слушай, Олесь, – во взгляде Таси загорается искорка. – А ты слышала о том, что «Синема Пикчерс Студия» запустила масштабный проект? Планируется снять полнометражный фильм по мотивам книги «Маки» Раисы Трубецкой.

– Правда? – изумленно расширяю глаза.

В юности я до одури зачитывалась этим романом. Образ отчаянно влюбленных героев до сих пор стоит у меня перед глазами.

– Да! Сейчас как раз идет актерский кастинг, – делится Тася. – Тебе нужно непременно попробоваться! Ты же вылитая Лиза! Это твоя роль!

Лиза Полякова – главная героиня романа «Маки». Романтичная, тонкая натура с глубоким внутренним миром. Помнится, по книге она была блондинкой с голубыми глазами. Прямо как я. Но это же ничего не значит, верно? Актрис с таким типажом внешности сотни, если не тысячи.

– Да ну брось, – смущаюсь я.

– Нет, серьезно, Олесь, – не унимается Тася. – Я смотрю на тебя и прямо вижу Лизу. Ты вылитая она! Пожалуйста, не упускай свой шанс!

– Ну... Я даже не знаю...

– Слушай, ты же сказала, что однажды хотела бы возобновить карьеру! Так чем это не шанс?

– Шанс, конечно. Просто понимаешь, – заминаюсь от неловкости, – я рашу ребенка одна. Отца у нас нет, поэтому мне приходится думать не только о перспективах, но и о финансах. Здесь и сейчас.

– Просто попробуй. Если не получится, то бог с ним, продолжишь трудиться в магазине. А если роль вдруг достанется тебе, то это не только успех, но и серьезные деньги. По слухам, исполнителям главных ролей собираются платить по сто тысяч за смену.

– Сто тысяч? – я отвешиваю челюсть. – За один рабочий день?

Я, конечно, в курсе, что в киносреде зарплаты бывают разные, но почему-то думала, что такие суммы зарабатывают только именитые актеры.

– Да! Говорю же, это крупный проект с хорошим финансированием! Средств на этот фильм не пожалеют!

Во мне зарождается какое-то странное противоречивое чувство. С одной стороны, мне сейчас очень нужны деньги. И добывать их, параллельно воплощая в жизнь давнюю мечту, было бы просто восхитительно.

Но с другой – предложение Таси выглядит как чистой воды авантюра. Главная роль в настоящем большом кино... Да это даже звучит волшебно! Я три года не практиковалась в актерском мастерстве, растеряла всякую форму... Кому я такая нужна?

– Спасибо тебе за информацию, Тась, – говорю я, дабы не задерживать старую знакомую.

Ей наверняка нужно идти по своим делам, ну а мне – работать.

– Обещай, что подумаешь, ладно? – не унимается она. – Взвесишь все «за» и «против».

– Да-да, – посмеиваюсь. – Конечно.

– Обещай!

– Обещаю, – мне приходится сдаться под ее напором. – Я правда всерьез над этим подумаю.

Глава 12

Последующие несколько дней меня не покидают мысли о разговоре с Тасей. Она так настаивала на том, чтобы я сходила на пробы... Будто действительно увидела во мне потенциал. Иначе зачем ей это?

Мы с ней не подруги. Не виделись много лет. Никак не поддерживали общение. И тут она случайно натывается на меня в магазине и с уверенностью заявляет: «Ты вылитая Лиза». Это совпадение? Или какой-то знак судьбы?

Если честно, во время чтения романа «Маки» я не раз ловила некое сходство между собой и главной героиней. Во-первых, внешность. Во-вторых, мироощущение. В-третьих, Лиза так же, как и я, обожает персики. Кажется, что это все незначительные мелочи, но благодаря им я чувствую какую-то незримую связь между собой и этой историей.

Да еще и встреча с Тасей... Может, это действительно сигнал к действию?

– Хватит мучиться. Сходи ты уже на эти пробы, – со вздохом говорит мама, поймав меня на том, что я уже в сотый раз перечитываю информацию о кастинге. – Ты же потом себя сгрызешь, если не попытаешь удачу.

Мама права, я очень хочу пойти. Но страх, вызванный многолетним перерывом и общей неуверенностью в себе, сковывает по рукам и ногам.

Наверняка на кастинге будет чудовищная конкуренция. Тысячи голубоглазых актрис с белокурыми волосами будут выворачивать себя наизнанку в яростном желании получить роль Лизы. И среди них я. Справлюсь ли я с этим прессингом? Смогу ли проявить себя во всей красе?

В былые времена, еще до рождения дочки, я вполне комфортно ощущала себя на пробах. Получала роли, переживала отказы – в общем, жила активной жизнью столичной актрисы. Походы на кастинги были для меня обыденностью, и я относилась к ним как к чему-то само собой разумеющемуся.

Однако теперь ситуация в корне поменялась. От тогдашнего хладнокровия не осталось и следа. Поймите правильно, четыре года для киноиндустрии – это огромный срок. За это время на небосводе зажглось много новых звезд. И много звезд потухло.

Если раньше в узких кругах имя Олеси Елисеевой было хоть кому-то знакомо, то сейчас меня все забыли. Я абсолютный ноунейм. И начинать мне придется с чистого листа.

Честно? Если бы не Дашкин диагноз и острая нужда в деньгах, я бы, наверное, спасовала. Но в текущих условиях у меня нет морального права руководствоваться собственными сомнениями и страхами. У меня есть цель – спасти дочь, и я должна достичь ее любым способом.

Ответ от немецкой клиники пока не поступил, но, порывшись в Интернете и почитав статьи на соответствующую тематику, я поняла, что операция в любом случае влетит в копеечку. Это сложное хирургическое вмешательство, при котором задействованы новейшие медицинские технологии и лучшие врачи. Такая услуга не может стоить дешево, поэтому деньги – мой главный приоритет.

– Как думаешь, у меня получится? – спрашиваю я, откладывая телефон.

Мама не спешит с ответом. Отводит взгляд к окну, задумчиво хмурится, а затем выдает:

– А ты сама как думаешь?

– В смысле?

Я рассчитывала услышать слова поддержки, а не ответный вопрос на мой вопрос.

– Ну в прямом. Тебе кажется, эта роль тебе по зубам? Только честно.

Закусываю губу. Мысленно копошусь в себе.

– Думаю, да, – говорю наконец.

– Ну тогда вперед, – улыбается мама. – Подай заявку и покажи, на что ты способна.

– А вдруг я больше не способна играть? – озвучиваю свое опасение. – Четыре года ведь не практиковалась...

– Да брось, – отмахивается. – Талант не пропьешь.

Смеемся в голос. С мамой всегда так – умеет поддержать и зарядить позитивом.

– Мамочка, я пописала, – сообщает Дарина, выходя из туалета.

– Молодец. Готова ко сну?

– Угу.

Беру дочь за руку, и мы вместе направляемся в спальню. Укладываю малышку в кровать, а сама пристраиваюсь рядом.

– Ну что? Сказку сегодня будем читать?

– Про Мальвину? – хлопая глазами-пуговками, предлагает она.

Вообще-то сказка «Золотой ключик» про Буратино, но девочка с синими волосами прочно запала Дарине в душу.

– Хорошо, – соглашаюсь я, удобней устраиваясь на подушке.

Чтение книжек перед сном – наш ежедневный ритуал. Мы никогда его не пропускаем. Даже когда устали и нет сил. Для Дарины – это способ спокойно уйти в сон, для меня – возможность почувствовать себя хорошей мамой.

Примерно через десять страниц дочка начинает тереть глазки и зевать. Откладывая книгу на комод и целую малышку в мягкую теплую щечку.

– Мамочка, а когда я пойду в детский сад?

Ее вопрос как ножом по сердцу. А что, если никогда?

– Скоро, милая, – ласково поглаживаю дочь по плечу. – Надо просто дождаться своей очереди.

– Там будет много деток, да?

Видно, что ей уже не терпится попасть в коллектив. Я ведь сама ее настропалила: в красках рассказывала, как интересно в детском саду, какие чудесные там воспитатели, какой вкусный какао дают по утрам.

А теперь даже не знаю, что ответить дочери. Как отреагировать на ее живой интерес. Сейчас ее будущее крайне неопределенное: что скажут врачи? Допустят ли ее к детскому саду? Как скоро удастся собрать средства на операцию?

У меня очень много вопросов, но нет ни одного ответа. И это чертовски удручает.

– Да, там много мальчиков и девочек, – киваю. – И в свое время ты обязательно с ними подружишься.

Дочь благодарно улыбается и, поудобней устроившись на подушке, закрывает глаза. А я смотрю на ее красивый милый профиль и мысленно обещаю себе сделать все – возможное и невозможное – чтобы ее жизнь была полноценной и счастливой.

Глава 13

– Как я выгляжу? – крутюсь перед зеркалом, в сотый раз спрашиваю у мамы.

– Прекрасно, – со смехом отвечает она. – Такая молодая, естественная. Ты уверена, что не нужно немного подкрасить ресницы?

– Нет, кастинг-директор неоднократно подчеркнул, что нужно выглядеть максимально натурально, – отвечаю я, пальцами приглаживая волосы. – Им нужно оценить мою «фактуру».

– Фактуру, – ворчит родительница. – Слово-то какое.

– Да там вообще много непонятных слов, – ухмыляюсь. – Не забивай голову.

Жутко волнуюсь, потому что сегодня мне предстоят живые одиночные кинопробы. Впервые за минувшие четыре года.

Первый этап кастинга – фотопробы, и я его каким-то чудом прошла. Отправила свои фотографии на указанную электронную почту и через пару дней получила ответ: «Ждем вас по такому-то адресу. Хотим посмотреть на вас вживую».

Сказать, что я была в шоке, – не сказать ничего. Я ведь понимаю, какого уровня проект «Маки». Судя по комментариям в Сети, сотни тысяч людей ждут выхода этого фильма, и я не сомневаюсь, что он будет поистине легендарным. В глубине души я не верила, что пройду даже фотопробы, но удача неожиданно оказалась на моей стороне.

– Ладно, я пошла, – обнимаю маму и звонко чмокаю в щеку Дашку. – Пожелайте мне удачи!

– Она тебе не понадобится, – отвечает родительница. – Ты лучшая, Олеська!

Когда я добираюсь до нужного адреса, мне приходится выстоять немалую очередь из желающих заполучить роль в фильме. Когда наконец приходит мой черед, я захожу в просторную комнату с камерами и выставленным светом и здороваюсь с присутствующими.

Передо мной длинный стол, за которым сидят две женщины – рыжеволосая и блондинка – и один мужчина средних лет с заметной проплешиной на лбу. Вид у них сонный и скучающий. Очевидно, вереница актеров, проносящаяся перед ними который день подряд, изрядно их утомила.

За спинами кастинг-директоров толпятся еще какие-то люди. Наверное, съемочная команда, но в их лица я не вглядываюсь. Мне совершенно ясно: мой приоритет – эти трое. Именно на них я должна произвести впечатление.

– Итак, как вас зовут? – без интереса спрашивает рыжая.

– Олеся Елисеева, – начинаю я хорошо поставленным голосом. – Мне двадцать шесть лет. Закончила Высшее Театральное Училище имени Щепкина.

– Где снимались?

Начинаю перечислять работы, в которых успела засветиться, но это не вызывает у моих собеседников никаких эмоций. Скорее всего, они никогда не слышали о проектах, в которых я участвовала.

– Последняя работа перед декретом – роль второго плана в сериале «Камыш» Станислава Троицкого, – заключаю я.

При звуках имени известного режиссера скучающее трио, кажется, слегка оживляется: мужчина поправляет очки на носу, а блондинка окидывает меня долгим оценивающим взглядом.

– Правильно я понимаю, что в последние четыре года вы нигде не снимались?

– Да, – киваю. – Я занималась воспитанием дочери.

– Ясно. Ну что ж, тогда продемонстрируйте нам свои способности, – вздыхает блондинка.

– Давайте монолог с той части, где она признается, что любила его все эти годы.

– Хорошо.

На несколько секунд прикрываю веки, настраиваясь. В актерском деле очень важно поймать нужную эмоцию и раскрутить ее до правильной кондиции. Переиграть – плохо, недоиграть – смертельно.

Чувство должно быть определенной глубины, чтобы камера его уловила. Если актер не попадает в цель, то зритель видит либо пресную, либо откровенно истеричную игру. И это очень плохо.

Вспоминаю образ книжной Лизы и примеряю его на себя. Я влюблена. До одури влюблена в мужчину, который принадлежит другой. И люблю его уже много лет.

– Каждый раз, когда ты проходил мимо, я опускала глаза, – начинаю я с легким придыханием. – Но не потому, что мне не хотелось смотреть на тебя, нет... А потому что я боялась, что не выдержу и...

– Стоп-стоп-стоп! – энергично вмешивается рыжая, сбивая меня с заданного темпа. – Это... – она щупает пальцами воздух, пытаюсь подобрать нужное слово. – Это очень горизонтально.

– Горизонтально? – переспрашиваю я, решив, что ослышалась.

– Да-да, вы играете горизонтально, – продолжает она. – А я хочу видеть вертикальную игру. Эмоции должны не растекаться по плоскости, а нарастать снизу вверх.

Если честно, понятия не имею, что она имеет в виду. Я произнесла от силы три предложения... Как она умудрилась оценить эти метафорические вертикали-горизонталы?

– Эм... Хорошо, – киваю я, заправляя волосы за уши. – Сейчас попробую.

Прокашливаюсь и начинаю снова:

– Каждый раз, когда ты проходил мимо...

– Извините, – на этот раз в монолог вклинивается мужчина в очках, – а вы могли бы выправить волосы из-за ушей? Они у вас довольно крупные и отвлекают внимание от лица.

От такой бестактности я теряюсь. Но уже через секунду вспоминаю, что я на пробах, и заталкиваю свое возмущение куда поглубже. Кастинг – это явно не то место, где следует качать права.

– Ладно, – выполняю его просьбу и захожу на третий круг. – Каждый раз, когда ты проходил мимо, я опускала глаза...

– Девушка, вы нас не слышите, – цокает языком рыжая, недовольно переглядываясь со своими коллегами. – Вы играете в двухмерной плоскости, а мы хотим объема!

– Обьема, – повторяю я.

– Да, вы будете играть обьем или нет?

Господи... Какое унижение. Они часом не издеваются надо мной?

– Д-да, конечно, – запинаясь, отвечаю я. – Сейчас я сыграю обьемно.

Беру небольшую паузу на восстановление эмоциональных сил, а затем набираю в легкие воздух, намереваясь снова начать монолог, когда внезапно взгляд цепляется за лицо, появившееся на заднем фоне.

Каштановые волосы, находящиеся в легком беспорядке. Карие глаза. Скульптурное, будто высеченное из камня лицо с яркими запоминающимися чертами.

Узнавание царапает нервы. Доля секунды уходит на сопоставление данных, а затем сердце с гулким протяжным эхом ухает в пятки.

Я не ожидала увидеть отца моей дочери. Но по иронии судьбы передо мной стоит именно он.

Глава 14

Мое моральное состояние и так далеко от идеального, а, увидев Троицкого, я окончательно расклеиваюсь. Что он здесь вообще делает? Перед тем, как идти на пробы, я внимательно изучила информацию по фильму. В списке режиссеров Стас совершенно точно не значился.

Но, несмотря на это, он тут. Стоит в метрах десяти от меня и жжет пронзительным взглядом.

Вне всяких сомнений, узнал. Узнал, чертяка. И глаза, как назло, не отводит. Будто специально дразнит. На прочность мои нервы испытывает.

Приложив усилие, разрываю гипнотический зрительный контакт и прокашливаюсь. Трио кастинг-директоров смотрит на меня в ожидании. Дескать, ну давай, покажи уже, на что ты способна.

И тут, вопреки всем законам логики, во мне вспыхивает ядерная злость. Какого, собственно, черта?! Почему все шишки всегда достаются женщине?! Я хорошо училась, закончила институт, постепенно начала выстраивать карьеру... И тут бац – случилось незапланированное. Я забеременела.

Со Стаса, который, кстати говоря, ничуть не меньше причастен к этому, как с гуся вода. А мне пришлось в корне менять свой жизненный уклад. Отказаться от съемок. Устроиться на работу в магазин. А затем, спустя несколько лет, начинать все с нуля.

И это очень-очень сложно. Стоять здесь, перед всеми этими снобами, и выдавливать из себя эмоции, которых им все равно будет мало.

Вот уже который год я чувствую себя беспомощной и потерянной, а у Троицкого все хорошо. Он продолжает жить и радоваться жизни. Получает престижные премии, зарабатывает колоссальные деньги и наверняка крутит романы с такими же доверчивыми дурочками, какой когда-то была и я.

Я стискиваю волю в кулак и, отринув все ненужные мысли, вновь сосредотачиваюсь на роли. Стараюсь максимально вжиться в нее.

– Каждый раз, когда ты проходил мимо, я опускала глаза, – мой голос звучит на удивление сильно и твердо. Но в то же время в нем явственно звенит отчаяние безответной влюбленности. – Но не потому, что мне не хотелось смотреть на тебя, нет... А потому что я боялась, что не выдержу и сорвусь. Что при взгляде на тебя моя маска безразличия пойдет трещинами, и ты поймешь, что все это время я любила тебя. Только тебя одного.

Я доигрываю монолог без единого вмешательства со стороны кастинг-директоров. Затаив дыхание, они следят за моей мимикой и ловят слова, вылетающие из моего рта.

Без понятия, в чем дело: то ли в том, что я наконец действительно прочувствовала роль, то ли в том, что они просто устали объяснять мне необъяснимое. Но факт остается фактом: на этот раз придиричивое трио определенно удовлетворилось тем, что увидело. И, кажется, у них больше нет желания меня мучить.

– Это было... хорошо, – задумчиво изрекает блондинка после того, как я заканчиваю речь.

– Да-да, – подхватывает мужчина в очках. – В этот раз вы бесспорно играли в трехмерном пространстве.

– Благодарю, – отзываюсь сипло.

И внезапно осознаю, что короткий, в сущности, монолог отнял у меня довольно много внутренних сил.

Это из-за того, что я хорошо отыграла? Или все же из-за того, что все это время Троицкий, стоя чуть поодаль, пристально наблюдал за мной?

– Спасибо... Эм... Олеся, – порывшись в бумажках, блондинка находит в них мое имя.
– Ваши контакты у нас записаны. Мы свяжемся с вами, если вы пройдете в следующий этап.

– Хорошо, – киваю. – Спасибо за уделенное время.

Я сделала все, что могла. И теперь с чистой совестью могу отправляться домой.

Повесив на плечо сумку, которую оставила у входа, я толкаю дверь и выхожу в коридор. В съемочное пространство выпархивает еще одна актриса, претендующая на роль Лизы, а я тем временем кручу головой по сторонам в поисках туалета.

– Не подскажите, где тут уборная? – обращаюсь к худосочному пареньку, который по виду напоминает мне ассистента.

– Прямо по коридору и налево, – безэмоционально бросает он.

Устремляюсь в указанном направлении и, закрывшись в кабинке, беру несколько минут на раздумья. Как бы я ни хотела быть сильной и независимой, но вынуждена признать, что случайная встреча с Троицким выбила меня из колеи и пошатнула мой внутренний баланс.

Ну и ну.

– А ты слышала, что Антона Степаненко хотят привлечь в качестве мастера по свету? – по ту сторону двери раздаются незнакомые женские голоса.

– Да ну? – удивленно. – А как же Руслан Мещеряков?

– По слухам, на днях он устроил серьезную драку в баре. И теперь с ним никто не хочет работать. Имиджевый урон, сама понимаешь.

Несколько минут я слушаю их оживленную болтовню, а затем вдруг решаю воспользоваться ситуацией в своих целях. Нажимаю кнопку смыва, выхожу из кабинки и, встав у зеркала, как бы невзначай бросаю:

– Девочки, а вы здесь работаете, да?

– Да. А ты? – отзывается одна из них, невысокая брюнетка в полосатой майке.

– А я на кастинг пришла. Только что отыграла.

– Понятно, – теперь я чувствую ее расположенность к диалогу. – Ну и как прошло?

– Трудно сказать, – пожимаю плечами. – Поживем – увидим.

– Кастинг уже больше двух недель длится. Мы ждем не дождемся, когда будет известен основной состав артистов.

– Кстати, а вы не в курсе, что на съемочной площадке делает Станислав Троицкий? – интересуюсь я, намыливая руки. – В списке режиссеров он вроде как не значился...

– Так он тут продюсер, – хихикает брюнетка. – Периодически приходит, отсматривает пробы. Мужик, конечно, роскошный, но жутко необщительный.

Продюсер? Хм, не знала, что Стас решил расширить поле деятельности.

Хотя чему я удивляюсь? Он всегда стремился постигать новые вершины.

– Ясно, – стряхиваю воду с ладоней и дружелюбно улыбаюсь девушкам. – Ну ладно, рада была пообщаться. Может, еще увидимся.

– Да-да, – они вздергивают уголки губ в ответ. – Будем держать за тебя кулачки.

Глава 15

Выхожу из уборной и, на ходу натягивая на плечи джинсовку, держу направление в сторону выхода. Проталкиваюсь через скопище шумно общающихся людей и сворачиваю к лестнице.

– Олеся! – до боли знакомый голос, с легкостью перекрывший царящий в помещении гомон, стрелой прилетает в спину.

Вздрагиваю. Медленно оборачиваюсь.

За мной, шествуя через расступающуюся толпу, следует Стас. Он явно намерен догнать меня, поэтому и торопится.

Не знаю, что ему нужно. И, если честно, знать не хочу. Много лет назад, когда я действительно нуждалась в его поддержке и помощи, он отверг меня. Катком прошелся по моим чувствам, причинил неимоверную боль.

А теперь: «Олеся». Да в гробу я видела его инициативу! О чем нам сейчас разговаривать? Столько воды утекло... Нет, я правда не понимаю, чего он добивается. Но снова играть со своим сердцем не позволю.

Отворачиваюсь и, игнорируя голос Троицкого, продолжаю путь.

– Олеся, стой! – не унимается Стас.

И не стыдно ему? Именитый режиссер, а сам на глазах у всех за актрисой, пришедшей на пробы, бегает.

Ай-ай-ай, Станислав Александрович, не держите марку.

Стремительно сбегая вниз по ступенькам и, пулей проскользнув в дверь, вылетаю на свежий летний воздух. На улице полно народу, поэтому мне ничего не стоит мгновенно смешаться с толпой.

Оказавшись на безопасном расстоянии, я вновь оглядываюсь, но Стаса нигде не вижу. Должно быть, он прекратил преследование еще в здании.

Выдохнув, сбавляю темп шагов и погружаюсь в мрачные раздумья. Так, значит, Троицкий будет продюсировать картину «Маки»? Ну и дела. Такой расклад совершенно меня не радует. Как правило, продюсер присутствует на съемочной площадке не так регулярно, как режиссер, но его появление так или иначе неизбежно.

А я не хочу пересекаться со Стасом. Абсолютно не хочу. И как же мне быть?

С одной стороны, главная роль в этой кинокартине даст огромный толчок моей замершей карьере. Да и деньги, сами понимаете, хорошие. Конечно, меня пока никто никуда не взял, но скупая похвала кастинг-директоров, прозвучавшая в конце кастинга, дает основание надеяться, что, возможно, на меня захотят взглянуть еще один разок. Теперь уже – на парных пробах.

Однако, с другой стороны, продюсирование Троицкого ставит большой жирный вопрос над моим участием в фильме «Маки». Представим фантастическую ситуацию: меня все-так утверждают на роль. В таком случае мне нужно будет довольно часто находиться в одном помещении со Стасом.

Справлюсь ли я с этим в моральном плане? Выдержу ли пытку вынужденного общения с бывшим? Ведь он, судя по сегодняшнему инциденту, вовсе не планирует делать вид, будто мы незнакомы.

А зря. Я бы, пожалуй, предпочла именно этот вариант.

На метро доезжаю до дома, и уже на подступах к подъезду у меня в сумочке звонит телефон. Номер неизвестный, но с недавних пор я такие беру. Вдруг это из больницы?

– Алло.

– Добрый день, могу я услышать Олеся Дмитриевну? – в трубке раздается приятный женский голос.

– Здравствуйте. Это я.

– Меня зовут Наталья. Я звоню вам из фонда «Подари жизнь».

– Да-да, слушаю! – тотчас оживляюсь я.

По совету врачей я решила обратиться в фонд еще до того, как получила информацию из немецкой клиники. Мне сказали, что подобного рода сборы средств всегда сопровождаются большими бюрократическими издержками, поэтому не стоит терять времени зря.

Более того, я попросила медработников перенаправлять любые новости из Германии напрямую в фонд, чтобы информация поступала максимально оперативно. Мне четко дали понять: чем быстрее нам удастся сделать Дарине операцию, тем с большей вероятностью она проживет здоровую долгую жизнь.

– Олеся Дмитриевна, я хотела вам сообщить, что мы получили ответ из кардиоклиники, находящейся в Берлине.

Она вкратце обрисовывает ситуацию. Озвучивает сумму, за которую немецкие врачи готовы взяться за работу, а также проясняет вопросы, связанные с подготовкой всех необходимых документов.

– Более детальную информацию я отправлю вам на почту, – говорит Наталья. – У вас остались какие-то вопросы?

– Эм... Пока, если честно, все очень сумбурно, – отвечаю я. – Могу я задать их чуть позже?

– Да, конечно, это мой постоянный номер для связи. Звоните в любое удобное время.

– Ладно. Спасибо большое.

– Тогда хорошего дня, Олеся Дмитриевна. Будем на связи.

– Разумеется. Хотя... Подождите, Наталья, – суетливо выпаливаю я. – У меня появился один вопрос.

– Постараюсь на него ответить.

– Скажите, а какова вероятность, что мы вообще наберем нужную сумму? Деньги большие... Неужели кто-то отдаст их нам просто так?

– Смотрите, ситуации бывают разные. Порой находится какой-то конкретный благотворитель, и он сразу вносит всю необходимую сумму. Но все же чаще мы собираем необходимые средства в формате «с миру по нитке». Люди жертвуют относительно небольшие суммы, но со временем они аккумулируются и превращаются в солидные деньги.

– Да-да, понимаю... А сколько времени это может занять?

– Ой, тут все очень индивидуально, – вздыхает Наталья. – Иногда сбор закрывается буквально за несколько недель, а иногда на это уходят годы.

Годы – это очень долго. Сможет ли Дашкино сердечко столько ждать?..

– Все ясно, – стараясь не впадать в отчаяние, отзываюсь я. – Я ознакомлюсь с высланными на почту документами и, если что-то не пойму, наберу вас.

– Конечно, Олеся Дмитриевна. До свидания.

Глава 16

– Еще раз повторите, что случилось. Только, пожалуйста, спокойно и без эмоций, – строго произносит молодой врач с короткой модной стрижкой. – Сейчас состояние вашей дочери стабильно, и мне нужна полная картина произошедшего.

– С Дариной все в порядке? – все еще тяжело дыша, уточняю я.

Я понимаю, что веду себя как истеричка, в сотый раз спрашивая одно и то же, но нервы воспалены до предела. Руки трясутся, а мысли никак не придут в порядок. Мечутся в голове, будто птицы в силках.

– Да-да, с ней все хорошо, – в интонациях врача угадывается усталость и раздражение.

– Итак, с чего все началось?

– Вечером мы, как обычно, почитали книжку и легли спать, – стараясь усмирить волнение, говорю я. – Около полуночи дочка разбудила меня и сказала, что ей тяжело дышать.

– Так, – кивает. – Что было дальше?

– В квартире было душновато, и я решила, что проблема связана с этим. Открыла окно, но не уснула. Решила понаблюдать за Дашиним состоянием.

– Хорошо, – доктор что-то фиксирует на бумаге.

– Минут через пятнадцать дыхание Дашки стало совсем тяжелым, и я поняла, что дело не в жаре. Сразу же вызвала скорую и стала ждать.

– Какие еще жалобы, помимо затрудненного дыхания, были у ребенка?

– Она жаловалась на боль в груди.

– Где именно?

– Я пыталась выяснить у нее точную локализацию боли, но она показывала на грудную клетку в целом.

– Все ясно, – врач задумчиво щелкает ручкой.

– Вам передали информацию о нашем диагнозе? – спрашиваю встревоженно. – Я подробно рассказала все врачу скорой помощи.

– Да, я посмотрел его записи. Насколько я понял, у вашей дочери заболевание, характеризующееся желудочковой тахикардией. Что-то вроде Синдрома Бругада, но с дополнительными патологиями.

– Да, кажется, так.

– Скажите, пожалуйста, какой кардиолог наблюдает вашу дочь на постоянной основе?

– Доктор Вербинский, – отзываюсь живо.

– Семен Степанович? – удивленно вскидывает брови.

– Да! Вы его знаете?

– Ну еще бы, – хмыкает. – Он раньше в университете преподавал. Сердечно-сосудистую хирургию вел.

– Ого...

– Погодите. Я попробую до него дозвониться. Возможно, он сейчас на работе. Ему-то клиническая картина состояния вашей дочери лучше известна.

С этими словами доктор скрывается в ординаторской, а я остаюсь сидеть на пластиковом больничном кресле, нервно заламывая пальцы рук.

До сегодняшней ночи с Дашкой все было прекрасно. Никаких симптомов. Абсолютно здоровый жизнерадостный ребенок. И вдруг раз – начала задыхаться. Ни с того ни с сего, представляете?

Пока вызывала скорую и везла дочь в больницу, я не позволяла себе раскиснуть и дать слабину. Действовала быстро, старалась не паниковать, исправно выполняла инструкции диспетчера и медиков.

Однако теперь, когда, по словам врачей, состояние малышки стабилизировалось, на меня каменной лавиной обваливается весь ужас случившегося.

Это был первый симптом. Первый симптом опасной болезни, о которой предупреждал Вербинский. А что, если дальше будет только хуже? Что, если Дарина элементарно не доживет до операции, на которую недавно открылся денежный сбор?

Гоню горькие мысли прочь, но на душе все равно тяжело. Будто меж ребер пудовую гирию подложили. И она давит, пригибает к земле. Мешает дышать и пропитывает голову смертоносным ядом уныния.

Опираюсь затылком в стену и в изнеможении прикрываю глаза. Я не хочу впадать в драму, но одинокая слезинка против воли пробегается по щеке. Утираю ее тыльной стороной ладони и тихо всхлипываю.

Господи, умоляю, сделай так, чтобы моя дочка выжила! Чтобы ее сердечко не сдалось раньше времени!

– Я поговорил с Семеном Степановичем, – в поле моего зрения снова попадает молодой врач. – К счастью, он сегодня на дежурстве.

– И что он сказал? – спрашиваю, встрепенувшись.

– Что ожидал чего-то подобного, – вздыхает, присаживаясь рядом. – К сожалению, по анализам было видно, что болезнь не будет вечно протекать незаметно.

– Ох...

– Не отчаивайтесь раньше времени, – врач пытается поддержать меня улыбкой. – Скорее всего, завтра или послезавтра мы выпишем Дарину. Вам следует сразу же посетить Семена Степановича, и он более подробно опишет вам ситуацию, – он выдерживает небольшую паузу и добавляет. – Хотя, если честно, вряд ли Вербинский скажет вам что-то радикально новое. В случае вашей дочери нужна операция. И только она поможет забыть об этой проблеме раз и навсегда.

– Да, я знаю, – утомленно тру веки. – Только, сами понимаете, операция стоит больших денег. И сколько продлится сбор – одному богу известно.

– Понимаю. Но иного выбора нет. Остается только ждать.

– Спасибо вам, – поднимаюсь на ноги и разминаю затекшую шею. – Я могу повидать дочь? Она ведь уже в обычной палате?

– Да. Она спит. Все кровати в палате заняты, а дополнительной койки у нас нет. Но, если хотите, мы можем предоставить вам раскладушку.

– В этом нет нужды, – отрицательно качаю головой. – Я лягу вместе с Дариной.

Врач провожает меня до нужной палаты. Стараясь не будить других пациентов, я пробираюсь к кровати дочери и забираюсь к ней под одеяло. Почувствовав мое присутствие, Дашка обнимает меня пухлыми ручонками и сквозь сон шепчет:

– Это ты, мамочка?

– Да, малышка, это я, – осторожно целую ее в макушку, поудобней устраиваясь на подушке. – Все будем хорошо, моя маленькая. Мама рядом.

Глава 17

Через день нас выписывают из больницы, и мы с Дариной возвращаемся домой. Мама встречает нас свежее испеченными пирожками и ароматным чаем с мятой.

Пообедав, Дашка отправляется играть со своими куклами, по которым успела соскучиться, а мы с мамой многозначительно переглядываемся. При дочери я старалась держать себя в руках, но по моему лицу наверняка видно, что мне страшно. Ведь впереди – сплошная неопределенность. И в плане Дашкиного здоровья, и в плане работы, и в плане будущего в целом.

– Как ты? – негромко интересуется родительница, подливая мне еще чаю.

– Нормально, – вздыхаю я. – Стараюсь сохранять оптимизм, хотя на душе кошки скребут.

– Это верно. Оптимизм никогда не помешает.

– Доктор Вербинский назначил Даше какие-то капли. Сказал принимать их два раза в день.

– Понятно. Уже купили лекарство?

– Да, по пути домой в аптеку заскочили.

Мама продолжает хлопотать с посудой, а затем вдруг откладывает в сторону тарелку и вскидывает на меня взгляд, в котором явственно читается тревога:

– Олесь, я тут кое о чем подумала.

– О чем?

– Ты только не сердись, ладно? – она садится напротив и принимается комкать в руках кухонное полотенце.

– Ты меня пугаешь, – говорю с настороженной усмешкой.

– А что, если тебе связаться с отцом Даринки? Сказать, мол, так и так. Твоя дочь болеет, ей нужна помощь.

– Мам, ты в своем уме? – вспыхиваю. – Троицкий даже не знает, что у него есть дочь! Он же меня на аборт послал!

– Ну и что с того? Он послал, а ты не пошла. Ребенок-то все равно общий!

– Не-е-ет, – мотаю головой. – Мне от него ничего не нужно. Я вообще не хочу с ним общаться!

– Тебе, может, и не нужно, – не унимается родительница. – А Дашке? Или ты забыла, что ей дорогостоящая операция требуется? Может, мы эти деньги несколько лет будем собирать? Ты уверена, что за это время ее состояние не ухудшится?

– В этом никто не уверен, – отзываюсь мрачно.

– Вот именно! А у этого Троицкого наверняка есть деньги, которые он вполне может пожертвовать на здоровье дочери.

Я молчу, буравя напряженным взглядом цветастую скатерть, а мама тем временем продолжает:

– Я все понимаю, Олесь. Ты обижена на него. Он обошелся с тобой паршиво. Но это ваши с ним отношения. Ребенок здесь ни при чем.

– Дашка только моя, – талдычу упрямо. – Он нам никто.

– Ну смотри сама, – мама всплескивает руками. – Если не хочешь обращаться к Троицкому, то давай выставить на продажу квартиру. Большую часть расходов на лечение она покроет. Я не могу просто сидеть на месте и смотреть на то, как моя внучка умирает.

Господи... Как же это все непросто!

Я и сама не раз думала о продаже квартиры. Но она принадлежит не мне, а маме, поэтому я вроде как не имею права распоряжаться собственностью. Да и где мы все будем жить? Аренда в Москве безумно дорогая, никакой зарплаты не хватит...

Ох. Ну и дилемма. С одной стороны, обратиться к Стасу – вполне логичное решение. Он богат, денег у него куры не клюют. Но с другой – как обнулить минувшие четыре года? Как сообщить ему о том, что все это время я тайно воспитывала дочь, о которой он ничего не знает?

На самом деле реакция Троицкого максимально непредсказуема. Что, если он мне элементарно не поверит? Или скажет, что не хочет иметь к Дашке никакого отношения? Если первую проблему еще можно решить прохождением ДНК-теста, то со второй, увы, ничего не поделаешь.

Насильно мил не будешь. Это относится в том числе и к тайным детям.

– Нам с тобой тоже было нелегко, – помолчав, произношу я. – Но ты никогда не обращалась за помощью к папе. Всегда справлялась сама.

– Знаешь, Олесь, я прекрасно помню обиду и злость на твоего отца, когда он влюбился ту молоденькую профурсетку и ушел из семьи. Помню, как я кляла его последними словами и ненавидела, – отвечает мама. – Но, если бы, не дай бог, у тебя возникли столь серьезные проблемы со здоровьем, я бы, не задумываясь, отправилась к нему. Я бы вытрясла из него эти деньги всеми правдами и неправдами. Нам с тобой было непросто, это факт. Но ты была здорова, и твоей жизни ничего не угрожало. В этом заключается огромная разница между моим случаем и твоим.

Вздыхаю. Провожу ладонью по волосам. Мне отчаянно не хочется это признавать, но, кажется, мама права. Порой в жизни происходят ситуации, когда нужно плюнуть на гордость, затолкать эмоции поглубже и поступить правильно.

Дашке необходима помощь. Причем довольно экстренная. У меня нет денег на операцию, но зато они есть у ее биологического отца. Отчего-то я не сомневаюсь, что он располагает средствами в полном объеме.

Мой материнский долг – рассказать Стасу о дочери и попросить о помощи. А дальше – смотреть по ситуации. Согласится дать денег? Хорошо. Откажет? Что ж, это останется на его совести.

У меня нет завышенных ожиданий относительно Троицкого и его человеческих качеств, поэтому попытка до него достучаться – чистой воды лотерея. Выгорит, не выгорит – вообще без понятия. Но попробовать, определенно, стоит.

– Ладно, – нарушая затянувшуюся тишину, бормочу я. – Я поговорю со Стасом. Попрошу у него денег.

– Спасибо, Олесь, – мама облегченно выдыхает. – Я знаю, не хочется наступать на горло собственной песне, но иногда ради счастья детей надо идти на личные жертвы. Поверь, оно того стоит.

Конечно, стоит. Я ради Дашки на все готова. Даже вновь начать общение с человеком, который стал моей самой большой любовью и самым оглушительным разочарованием за всю мою жизнь.

Глава 18

Когда мне звонят и сообщают, что я приглашена на следующий этап отбора на главную роль в кинофильме «Маки», я не верю своим ушам. Несколько раз переспрашиваю одно и то же, дабы удостовериться, что мне не послышалось, а когда на том конце провода повторяют, что снова ждут меня на пробах, испытываю настоящий шок.

Обалдеть! Неужели это реально?

Пообещав, что непременно приду, я сбрасываю вызов и несколько минут провожу в тотальной прострации. Перевариваю услышанное. Пытаюсь усмирить бушующие эмоции. Тут и радость, и восторг, и предвкушение – все вместе.

Я знаю, что праздновать победу рано, но я еще никогда не была так близка к получению главной роли в крупнобюджетном фильме. Прежде меня утверждали только на роли второго плана, и я подумать не могла, что первая большая удача случится именно на этом проекте.

Следующий этап – пройти парные пробы с потенциальным партнером. Работа в тандеме всегда требует чуть большей отдачи, чем сольный кастинг, ведь во время игры нужно ориентироваться на эмоции другого человека. Но именно это нередко становится поддержкой и опорой. Особенно если партнер – хороший актер.

В день кастинга я представляю из себя комок нервов. То и дело мысленно прогоняю заученный текст и кручусь перед зеркалом, репетируя одну, на мой взгляд, особенно сложную реплику.

– Олесь, расслабься, – советует наблюдающая за мной мама. – Не создавай избыточный потенциал.

Легко сказать – не создавай, а как это сделать – большой вопрос. На кону сейчас слишком много, поэтому просто расслабиться никак не получается.

– Я расслаблюсь только после того, как получу эту роль, – говорю я, накидывая на плечи легкий тренч. – И после того, как поговорю с Троицким.

– Ты думаешь, он будет сегодня на пробах?

– Не знаю. Но мне будет проще сообщить ему о Дарине, если он, как в прошлый раз, сам инициирует разговор, – потуже затягиваю пояс. – Не хочется лишний раз навязываться.

– Ни пуха ни пера! – бросает мама напоследок.

– К черту! – отзываюсь я.

Чмокаю дочку на прощанье и выскальзываю из квартиры.

Второй этап кастинга проходит в том же здании и в том же помещении, что и в прошлый раз. Только народу в коридоре теперь значительно меньше. Судя по всему, на данный момент они отобрали порядка тридцати парней и девушек.

Ох. Ставки невероятно высоки.

Когда подходит моя очередь, мне в пару ставят смазливую брюнетку с ярко-голубыми глазами по имени Ян. Он одаривает меня обаятельной улыбкой и желает удачи. Коротко киваю и бурчу невнятное «и тебе» в ответ. Мне не хочется тратить драгоценные эмоции на ничего не значащий формальный диалог. Я должна приберечь их для роли Лизы.

Кастинг-директора вкратце обрисовывают нам, что они хотят видеть, а я тем временем бегло оглядываю съемочное пространство: знаменитый режиссер Олег Ганевский вальяжно восседает в кресле, вокруг него кружатся его ассистенты, команда операторов напряженно смотрит в объектив, а световики колдуют со световыми установками. Однако Троицкий на площадке отсутствует. И это осознание вливается в сердце острой иглой разочарования.

Блин! Ну почему, когда он нужен, его нет?

– Итак, вы готовы? – командует режиссер.

– Да, – бодро кивает Ян.

А затем вопросительно косится на меня.

– Готова, – отвечаю, прокашлявшись.

– Тогда давайте начнем.

Повисает пауза. Секунд десять мы с Яном настраиваемся на нужный лад, а затем он вживается в роль и с отчаянием выпаливает:

– Это твои письма, Лиза?

– Н-нет... То есть да, – отвечаю с взволнованной заминкой. – Откуда они у тебя?

– Нашел в комод у Ольги. Выходит, ты все это время мне писала?

– Я думала, что тебе это нужно...

– Но я не получил ни одного письма! Ни одного, слышишь?

– Стоп-стоп, – вмешивается Ганевский. – Чуть меньше накала. Оставьте основную драму на потом.

Мы с Яном синхронно киваем. Дескать, поняли-приняли. А затем продолжаем прерванный диалог.

В целом, Ян играет хорошо, но, на мой вкус, немного надрывно. Сцена, которую мы проживаем, не подразумевает эмоциональной истерии. В ней должны сквозить тихая грусть и потаенная печаль.

Доигрываем сцену до конца. Режиссер вносит правки, а затем просит исполнить все с самого начала. Мы с Яном повинуемся.

Снова и снова.

После четвертого прогона я чувствую, что начинаю выгорать. Мы вдоль и поперек прошли по диалогу, но Ганевский, судя по всему, по-прежнему недоволен. А я просто не знаю, как еще отыграть этот эпизод. Какие еще эмоции в него вложить.

– Так... – он задумчиво трет переносицу. – А давайте попробуем прогнать что-нибудь другое. Может, сцену их встречи на ярмарке?

– Но... Нам не высылали эту сцену, – робко возражает Ян.

– Ничего, будете читать, – отмахивается Ганевский, а затем кидает куда-то в толпу ассистентов. – Анечка! Принеси актерам текст!

– Минуту!

– Или, может, не ярмарку... – он взволнованно покусывает ноготь на большом пальце. – Где Троицкий? Мне надо с ним посоветоваться!

При звуках знакомого имени мое сердце делает кульбит.

– Он кофе отошел попить, – доносится в ответ.

– Черт! Как не вовремя!

– Я здесь, – буквально в следующую секунду дверь распахивается, и на пороге показывается Стас с пластиковым стаканчиком в руке.

Весь такой импозантный, осанистый. В темно-сером стильном пиджаке и слегка зауженных брюках.

– Мне не нравится эта сцена с письмом, – подкручивая темные усы, Ганевский приближается к нему. – Она какая-то картонная, не находишь? Героиня все время смотрит в пол. Там почти нет живых чувств.

Троицкий слегка щурит веки, обдумывая услышанное. Затем делает небольшой глоток и обводит глазами съемочное пространство. Его скользящий взгляд спотыкается о мое лицо, движется дальше, а затем возвращается и сфокусировано замирает.

На этот раз я не пытаюсь спрятаться и скрыться. Высоко задрав подбородок, отвечаю на его зрительный вызов, хотя внутри все дребезжит и трепещет от волнения. Карие омуты затягивают на дно, против воли воскрешая запретные воспоминания о прошлом, в котором я была безоглядно влюблена и оголтело счастлива...

Секунды плаваются в вечность, и Стас наконец разрывает нашу связь. Снова смотрит на Ганевского и вдруг предлагает:

– Может, сцену на перроне?

– Отлично! – радуется режиссер. – Это то, что нужно!

Остальная съемочная команда согласно поддакивает, а я изумленно расширяю глаза.

Сцена на перроне? Он серьезно?

Я читала книгу. Несколько раз. Потому мне не нужен текст для того, чтобы понять, сейчас мы будем прогонять сцену первого поцелуя героев...

Глава 19

Низкорослая веснушчатая ассистентка вручает нам с Яном бумаги с текстом, и, бегло пройдясь по нему, я подтверждаю свои догадки. Это действительно сцена поцелуя. Сложная. Энергозатратная. Требующая от актеров большой отдачи.

– Итак, быстро входим в курс дела, – вещает режиссер, становясь рядом с нами. – Это сцена, где Лиза провожает Глеба в армию. Они догадываются о чувствах друг друга, но вслух не признались. Сначала у нас обмен любезностями, трогательное прощание, а в конце Глеб поддается порыву и целует Лизу. В губы.

– Эм... Простите, – Ян задумчиво почесывает затылок. – А поцелуй должен быть с языком?

– А как ты думаешь, сынок? – Ганевский смотрит на него как на идиота. – Они десять лет тайно любили друг друга, и теперь их чувства впервые вырвались наружу.

– Понял.

– Постарайтесь быть максимально естественными, ладно? Мы специально пока не обговариваем позы и движения. Я хочу посмотреть на химию между вами. Вживитесь в роли. Прочувствуйте боль своих героев.

Мы с Яном молча переглядываемся. Сложно изображать безумную любовь, когда видишь человека впервые в жизни. Но в этом, как ни странно, и есть суть актерской работы. Надо черпать эмоции из колодца воспоминаний и фантазий. Оживлять свой прошлый опыт и накладывать его на заданную сцену.

Нахожу взглядом Троицкого и достаю со дна сознания картинку нашего прошлого. Вспоминаю, как он упоенно целовал меня в ночи. Как нашептывал всякие будоражащие пошлости. Как в порыве страсти утыкался влажным лбом мне в грудь.

Это было так давно. Словно бы в прошлой жизни. Но, несмотря на это, я отчетливо представляю все детали. Чувствую вкус, запах, тепло прикосновений...

– Снимаем! – Ганевский хлопает в ладоши и уходит из кадра, оставляя нас с Яном наедине.

Облизываю пересохшие губы и вскидываю взгляд на своего партнера. Вижу, что он тоже слегка волнуется, но деваться некуда. Мы здесь для того, чтобы получить роли.

– Глеб! – вскрикиваю я, одним глазком косясь в текст.

– Лиза! Ты приехала? – Ян изображает удивление.

– Конечно! Разве я могла упустить возможность с тобой попрощаться? – тяжело дыша, будто только что бежала, подступаю к нему ближе.

– Господи... Ты вся дрожишь...

– Прости, – зябко ежусь. – Тут немного холодно...

Ян заключает меня в объятия, и в нос тотчас забивается приторный аромат его парфюма. Я не люблю слишком сладкие запахи, но сейчас я в образе Лизы, поэтому со всей пылкостью прижимаюсь носом к его шее.

Короткий, слегка путанный диалог. Черeda трогательных признаний. А затем Ян принимает к моим губам и проталкивается языком мне в рот. Первая реакция – стиснуть зубы и отодвинуться, но я, естественно, ее сдерживаю. Позволяю малознакомому парню изучать мой рот и делаю вид, что получаю от этого неземное удовольствие.

Я не эксперт в области поцелуев, но в свое время Троицкий делал это совсем не так. В движении его губ не было суеты и спешки. Он целовался мягко, глубоко, уверенно. Наполнял меня собой. Умело орудовал языком. Создавал ощущение незыблемой правильности происходящего.

А что касается Яна... То сейчас у нас с ним самый типичный киношный поцелуй. Красивый на камеру, но совершенно пустой внутри. Лишенный истинных чувств. Пресный. Безвкусный.

Ян отрывается от меня и, пьяно полуприкрыв веки, выдыхает:

– Я так давно мечтал об этом, Лиза...

– Стоп! Снято! – в кадр вбегает Ганевский. – Это было неплохо! Не идеально, но вполне сносно. С этим можно работать. Не так ли, Стас?

Режиссер оглядывается на продюсера, но тот лишь неопределенно поводит плечами. По его лицу непонятно, понравилось ли ему увиденное или он совсем не впечатлен. Оно совершенно непроницаемо.

– Ладно, на сегодня вы свободны, – Ганевский вновь смотрит на нас. – Если будут положительные новости, с вами свяжутся.

– Хорошо, – Ян лучезарно улыбается. – Спасибо вам, Олег Юрьевич.

Попрощавшись с режиссером и его командой, я отхожу в сторону и принимаюсь нарочито медленно натягивать плащ. Мне позарез нужно поговорить с Троицким, но первой делать шаг к примирению я не хочу. Поэтому очень надеюсь, что он вновь возьмет инициативу в свои руки.

Надев верхнюю одежду, бросаю беглый взгляд в сторону Стаса и вдруг замечаю, что он увлеченно беседует с какой-то белокурой девицей, которая улыбается ему во всю ширину своего беззубого рта и беззастенчиво крутит на палец волосы.

Очередная актриска, решившая заполучить роль через постель?

Разочарованно вешаю на плечо сумку и, плюнув на первоначальный план, пулей несусь на выход. Ну его к черту! Очевидно, что Троицкий не изменился! Зачем давать шанс тому, кто явно его не заслуживает?

И плевать на его деньги! На все плевать! Видеть его не могу!

Я уже хватаюсь за ручку двери, когда его низкий, пробирающий до мурашек голос оседает где-то меж лопаток.

– Олеся, стой! Пожалуйста, не убегай.

Стиснув зубы, делаю над собой усилие и притормаживаю. В груди по-прежнему клокочет возмущение, но здравый смысл все же берет верх. Поспешные выводы сейчас ни к чему.

– Что ты хотел? – я оборачиваюсь и прохожусь по Стасу холодным взглядом.

– Всего лишь поговорить.

– Прямо здесь? – оглядываюсь по сторонам.

Тут и там спуют люди. Повсюду кипит работа.

– Внизу есть небольшое кафе, – сразу же поняв мой намек, говорит Троицкий. – Я угощаю.

– Хорошо, – со вздохом. – Только недолго. А то у меня не так много времени.

Глава 20

Мы минуем длинный коридор и спускаемся вниз по лестнице. Троицкий идет рядом, но при этом не произносит ни слова. Его молчание мурашками оседает на коже, порождая в голове сотни мучительных вопросов. Зачем он меня позвал? О чем хочет поговорить? Впишется ли новость, которую я хочу ему сообщить, в структуру нашего диалога?

Миновав каменные ступеньки, украдкой кошусь на Стаса и снова мысленно подмечаю, что он отлично выглядит. Холеный. Ухоженный. С нарочито небрежной щетиной и выражением скуки в надменном взгляде.

Троицкий всегда производил впечатление сноба, человека голубых кровей. На публике он держался с высокомерным безразличием, и только я знала, каким он может быть живым и горячим. Какое испепеляющее пламя может гореть в этих холодных карих глазах. Какие страстные слова могут вылетать из этого красивого, презрительно изогнутого рта...

Со мной Стас был другим. Не таким замкнутым и эмоционально недоступным. В счастливые минуты наедине я видела в нем искренность, озорство, человечность... Но, как выяснилось позже, эти качества тоже были маской. Ведь в итоге он так и не подпустил меня по-настоящему близко. А когда я забеременела, хладнокровно столкнул в пропасть жестокости и обмана.

Мы заходим в кафе и занимаем укромный столик в углу помещения. Официантка, кокетливо виляя бедрами, приносит нам меню и спрашивает, не готовы ли мы сразу сделать заказ. Стас просит принести ему кофе, а я решаю ограничиться чашкой чая.

«Это не дружеская встреча и не свидание», – напоминаю себе я.

Официантка оставляет нас наедине, и за столиком повисает некомфортная тишина. Хотя, бьюсь об заклад, некомфортна она только для меня. Троицкий же совершенно расслаблен. Сидит, откинувшись на спинку стула, и беззастенчиво ошупывает взглядом мое лицо.

– Итак, – не выдержав напряжения, первая подаю голос, – о чем ты хотел поговорить?

– Ты прекрасно выглядишь, – огорошивает Стас.

Серьезно? Это все, что он может сказать спустя четыре года разлуки?

– Спасибо, – равнодушно отзываюсь я, всем своим видом демонстрируя, что его комплименты меня не трогают. Потом выдерживаю небольшую паузу и брякаю. – А ты постарел.

Это неправда. Он выглядит подтянуто и свежо. Но я скорее удавлюсь, чем отвечу ему любезностью на любезность.

– Ну, не мудрено, – ничуть не обидевшись, усмехается Троицкий. – Мне ведь уже тридцать девять.

– Скоро на пенсию? – ерничаю.

– Пока не планирую, – сохраняет невозмутимость. – Работы невпроворот. А у тебя как дела с кинокарьерой? В последние пару лет о тебе ничего не слышно.

Это потому, что я воспитывала твою дочь, идиот!

– Карьера была на стопе. Но недавно я поняла, что пора возвращаться, – как можно непринужденнее бросаю я.

– Решила открыть дверь в кинобизнес с ноги? – хитро улыбается.

– В смысле?

– В прямом. «Маки» станет культовым фильмом, помани мое слово. Если ты получишь главную роль, то навсегда увековечишь свое имя в индустрии.

Его фразы звучат как мед. А еще очень перекликаются с моими собственными мыслями.

– Что ж... Я сделаю все, что от меня зависит.

– Ты хорошо отыграла сегодня, – неожиданно произносит Стас. – А вот партнер тебе достался неудачный.

– Думаешь? – тяну с сомнением.

Мне показалось, что Ян не так уж плох...

– Не думаю, а вижу, – заявляет безапелляционно. – Поверхностный истеричный мальчишка, совершенно не чувствующий роль.

Троицкий никогда не стеснялся в выражениях. Особенно, если речь шла о работе. Его можно много ругать, но один факт не подлежит сомнению: он гениальный режиссер. И талант, и бездарность видны ему издалека.

– Довольно суровая оценка, – хмыкаю я. – А меня ты похвалил, потому что я была твоей любовницей?

Я намеренно его провоцирую. Намеренно протягиваю ниточки к прошлому. Чтобы потом было проще подобраться к главной теме, из-за которой я сегодня здесь.

– Чушь, – Троицкий не отрывает от меня пристального гипнотизирующего взгляда. – Ты была хорошей любовницей, но это не мешало тебе быть хорошей актрисой.

Я знаю, что он не лукавит. Лесть – вообще не его конек. И оттого его слова вдвойне приятны.

– Много претенденток на роль Лизы? – интересуюсь, осторожно отпивая принесенный официанткой чай.

– Сотни. Но ты в первой десятке.

– Осталось обойти еще девять девушек.

– Проблема современных актрис в том, что они отчаянно гонятся за навязанными стандартами красоты, забывая про свою самобытность. Крашенные волосы, накаченные губы, какие-то странные кустистые брови... – Стас брезгливо морщится. – А ты полностью настоящая, Олесь. Я чувствую твое природное женское естество. И камера это чувствует.

Пока Троицкий говорит, я проваливаюсь в сладкий туманный морок и начинаю вспоминать причины, по которым я много лет назад безоглядно в него влюбилась. Когда он рассуждает о жизни с легким налетом философской поэтичности, им невозможно не восхищаться.

Интеллект, талант, не меркнувший ореол славы – кажется, этот дьявол в человеческом облики никогда не перестанет разбивать женские сердца...

– Знаешь, Стас, вообще-то я тоже хотела с тобой поговорить, – стряхиваю внезапное наваждение и, собравшись с мыслями, перехожу к сути.

– Правда? – Троицкий заинтригованно вздергивает бровь.

– Да. Только обещай, что выслушаешь до конца и не сбежишь после первой же моей реплики, – серьезно говорю я.

Самодовольная ухмылка Стаса сменяется выражением настороженности. Уголки губ опускаются вниз, а взгляд становится сосредоточенным.

– Я весь внимание, Олесь.

Нервно сглатываю. Прочищаю горло. А затем вскидываю на него взволнованный взор и на одном дыхании выпаливаю:

– Наша с тобой... связь имела последствия.

– И какие же? – он заметно напрягается.

– У тебя есть трехлетняя дочь, Стас. И сейчас она нуждается в помощи.

Глава 21

Троицкий продолжает напряженно вглядываться в мое лицо, не выдавая никакой реакции на услышанное. Словно не понял смысла моих слов. Словно в ступор впал.

Наверное, мое признание и впрямь не на шутку его шокировало.

– Дочь? – переспрашивает неверяще.

От изумления голос Стаса стал гораздо более низким и хриплым.

– Да. Ее зовут Дарина.

Он резко отмирает. Шумно выпускает воздух из легких и проводит рукой по волосам, будто борясь с бушующими в груди эмоциями. Затем снова фокусируется на мне и потрясенно качает головой:

– Но ты... Ты ведь сделала аборт?

– Не сделала, – медленно веду из подбородком из стороны в сторону. – Просто не смогла.

Стас замолкает и, сложив руки на груди, отворачивается к окну. Какое-то время обдумывает ситуацию, а затем строго пр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.